

81.632.53-32

А 954

521593

ШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

И. Х. АХМАТОВ

**ПРОБЛЕМЫ
СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

НАЛЬЧИК -- 1979

ИЗ

✓

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

И. Х. АХМАТОВ

92/593

ПРОБЛЕМЫ
СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

(На материале карачаево-балкарского языка)

Институт-балкарский Государственный университет
Библиотека имени И. К. Кавказской
г.р. Нальчик, ул. Ногмова, 42

НАЛЬЧИК — 1979

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Кабардино-Балкарского государственного университета (по темплану Минвуза РСФСР на 1979 г.)

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой первую часть спецкурса «Проблемы системного изучения простого предложения», читаемого автором. В ней излагаются основные теоретические вопросы структурно-семантического анализа простого предложения карачаево-балкарского языка.

Книга предназначена для студентов-филологов, преподавателей, читающих общий курс синтаксиса, и может быть полезной для всех, кто интересуется вопросами синтаксической семантики.

Ответственный редактор доктор филол. наук, проф. Э. Р. Тенишев.

Введение

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Предложение — это многоаспектное явление. Одной из важнейших задач, стоящих перед современной лингвистикой, является изучение его в разных аспектах. Особенно важно изучение предложения в структурно-семантическом аспекте. Однако к признанию этого лингвисты пришли недавно.

В истории синтаксических теорий предложение среди языковых единиц всегда занимало центральное место. Уже в первой половине прошлого столетия основным понятием синтаксиса считалось предложение. Вплоть до второй половины 19 века в науке о языке господствовало логическое направление, в основе которого лежало отождествление грамматического строя языка и логического строя мышления.

Ведущее значение придавалось мышлению. Странники данного направления никакой разницы не видели между предложением и суждением. Предложение ими определялось как мысль, выраженная словами. Ставился знак равенства и между другими грамматическими и логическими категориями. Например, логический субъект отождествлялся с подлежащим, а логический предикат — со сказуемым.

В 60-х годах 19 века сторонники психологического направления в языкознании выступили с критикой логистов. К этому времени психология достигла определенных успехов. Это отразилось в изучении языков. Язык стали рассматривать как отражение процессов, протекающих в человеческой психике. Психологи считали, что предложение — это психический акт соединения определенных представлений в сознании говорящего. Они различали психологическое подлежащее и психологическое сказуемое, которые устанавливались не по формальным признакам, а по времени появления в сознании говорящего.

При всем различии психологического и логического подходов к определению предложения и к его членению эти синтак-

сические теории имели и нечто общее. П. С. Кузнецов пишет: «Общим для определения предложения как выражения логического суждения и для определения предложения как психологического суждения является отсутствие собственно языковых признаков»¹ «Определяя предложение как выражение суждения — логического (К. Беккер, Ф. И. Буслаев) или психологического (Г. Штейнталь, Г. Габелец, Г. Пауль, отчасти А. А. Потебня), — лингвисты того и другого толка в конечном счете исходили из функциональных критериев (смысл, значение, целенаправленность высказываемого в предложении содержания), но применение этих критериев не было обосновано у них с необходимой точностью и проводилось недостаточно последовательно. Сущность того, что и для чего выражается в предложении, соотношение означаемой и означающей сторон его структуры, функции отдельных членов лексико-грамматического состава предложения все это представлялось нередко в искаженном виде и при ближайшем столкновении с речевой действительностью оказывалось несостоятельным»². Поэтому в конце 19 — начале 20-го века логический и психологический направления в синтаксисе подвергались критике со стороны представителей формального языкознания, которые рассматривали предложение с точки зрения его строения. К этому времени сложилось мнение, что функциональные критерии при анализе предложения и других языковых единиц не могут способствовать выявлению специфики языкового строя. В результате этого внимание синтаксистов было направлено на изучение формального строения предложения в отвлечении от его значения. Накопленный большой материал показал, что с точки зрения морфологии в различных языках принцип построения предложения различен. Но отказ от учета семантических признаков предложения привел представителей формального направления к выводу о том, что основной задачей синтаксиса является выделение и изучение групп слов и словосочетаний как особого вида языковых единиц. Предложение рассматривалось как разновидность словосочетания³. Вопросы, связанные с функцией предложения в процессе коммуникации, выпадали из поля зрения ученых.

О необходимости чисто формального подхода к анализу лингвистических явлений говорят и представители некоторых других

¹ П. С. Кузнецов. О принципах изучения грамматики. Изд-во МГУ, 1961.

² Н. П. Распопов. О предмете синтаксиса. «Очерки по теории синтаксиса» Изд-во Воронежского ун-та Воронеж. 1973, стр. 5—6.

³ Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды, т. 2, М., 1957, стр. 456.

лингвистических школ. Так, американский лингвист Л. Блумфильд, которым впервые была выдвинута программа дескриптивной лингвистики как одного из новейших направлений языкознания, писал: «Классы форм, подобно другим лингвистическим явлениям, могут быть определены не на основе смысла, а лишь на основе лингвистических (то есть лексических и грамматических) особенностей»⁴.

«Все наши классификации должны основываться исключительно на форме — на различиях и сходствах фонематической структуры корней и аффиксов или на вхождении слов в конкретные типы фраз и предложений. При составлении классификации не должно быть апелляции к значению, к абстрактной логике или к философии»⁵, — писали представители школы Л. Блумфильда, Б. Блок и Дж. Треджер, излагая принципы дескриптивной лингвистики.

При изучении языка к вопросам семантики также не обращались и глоссемантики. Сравнивая их школу со школой американских дескриптивистов, многие лингвисты отмечают, что они в этом отношении по существу не отличаются друг от друга. Например, Э. Хауген пишет, что «обе школы говорят об одном и том же и стремятся к одной и той же цели»⁶.

Такое понимание предмета синтаксиса оказало свое влияние на так называемую классическую (или традиционную) лингвистику. Даже академик В. В. Виноградов, чьими идеями руководствовались и продолжают руководствоваться советские тюркологи в рассмотрении важнейших вопросов синтаксического строя тюркских языков, писал: «Конкретное содержание предложений не может быть предметом грамматического рассмотрения. Грамматика изучает лишь структуру предложения, типические формы предложений...»⁷. Исходя из такой теоретической установки, исследователи синтаксиса тюркских языков до сих пор ограничиваются установлением типов связи между словами в словосочетании и предложении, описанием структурных типов данных синтаксических единиц⁸.

⁴ Л. Блумфильд. Язык. Нью-Йорк, 1933, стр. 264—265 (на англ. яз.).

⁵ Bloch V. and Trager G. Outline of Linguistic. Analysis. Baltimore, 1942, стр. 68.

⁶ См.: «Новое в лингвистике», вып. I. М., 1960, стр. 248.

⁷ В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения. В сб. «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 389.

⁸ См., например: И. Д. Джакубов. Основы синтаксиса простого предложения современного киргизского литературного языка. Авт. докт. дисс., Фрунзе, 1966, стр. 48—91.

Однако современный синтаксис не ограничивает себя только вопросами построения словосочетания и предложения. Во-вторых, современное состояние общего языкознания как в нашей стране, так и за рубежом определяется тем, что многие кардинальные синтаксические проблемы, казавшиеся решенными в недавнем прошлом, вновь приобретают интерес и становятся дискуссионными⁹. Это объясняется тем, что синтаксическая наука чрезвычайно расширила свои рамки не только с точки зрения выделяемых ею объектов изучения, но и с точки зрения связанной с каждым из этих объектов специальной проблематики и методов описания. Например, Н. Ю. Шведова выделяет пять основных синтаксических единиц: форма слова, словосочетание, простое предложение, сложное предложение, текст, которые сложно взаимодействуют как единицы строения и построения в едином и целостном «здании» синтаксиса¹⁰. Наиболее признанной в современном языкознании является точка зрения, согласно которой основной единицей синтаксиса является предложение, представляющее собой сложное языковое явление¹¹. «В языкознании существует не менее 300 определений предложения, что само по себе говорит о сложности и противоречивости этого понятия»¹². Сложность предложения требует разностороннего подхода к его изучению. К пониманию этого факта привела исследователей борьба «логического», «психологического» и «формального» направлений в языкознании. Признание многоаспектности предложения — одна из основных черт современного языкознания.

Вопрос о том, что предложение имеет много аспектов (сторон) изучения, сейчас поднимается многими лингвистами. Наиболее подробно данная проблема в отечественной лингвистике рассматривалась В. Г. Адмони, выдвинувшим идею о многоли-

⁹ Теория языка. Англистика. Кольтология. Изд-во «Наука». М., 1976, стр. 3.

¹⁰ Н. Ю. Шведова. Об основных синтаксических единицах и аспектах их изучения. В сб. «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков». Л., «Наука», 1975, стр. 129.

¹¹ Однако следует заметить, что некоторые исследователи и сейчас продолжают доказывать, что главным и единственным предметом синтаксиса является словосочетание. См.: А. Б. Шапиро. О предмете синтаксиса. ФИЛ, 1961, № 3. Его же. Словосочетание в русском языке. Сб. «Славянское языкознание». Изд-во АН СССР, М., 1959.

¹² И. А. Сизова. Что такое синтаксис. Изд-во «Наука». М., 1966, стр. 8.

ценности речевой цепи¹³, о многомерности грамматических явлений¹⁴ и партитурном строении предложения¹⁵.

В. Г. Адмони выделяет следующие семь аспектов: 1) логико-грамматический, 2) модальный, 3) полноты предложения, 4) роли предложения в развернутой речи (т. е. его отношения к другим предложениям в речевой цепи, 5) познавательной установки говорящего, широко известный под наименованием актуального (актуально-коммуникативного) членения предложения, 6) коммуникативной задачи, стоящей перед предложением (различные повествовательных, побудительных и вопросительных предложений), 7) эмоциональный¹⁶.

Каждый из этих аспектов характеризует одну из важных сторон предложения. При логико-грамматическом анализе выделяются модели предложения, различающиеся по морфологической форме необходимых компонентов предложения и по выражаемому ими обобщенному грамматическому значению¹⁷. При исследовании модального аспекта предложения выявляются «разные формы реальности и достоверности того синтаксисо-смыслового отношения, которое организует предложение»¹⁸. Третий аспект анализа предложения позволяет установить причины опущения тех или иных компонентов предложения, влияния контекста и ситуации на предложение. Анализ предложения с учетом четвертого аспекта связан с делением предложения на главные и подчиненные. Познавательная установка говорящего приводит к актуальному членению предложения. В зависимости от коммуникативной задачи, стоящей перед предложениями, последние делятся на традиционные типы по цели высказывания и интонации сообщения (повествовательные, побудительные и вопросительные). Последний аспект позволяет выявить степень эмоциональности предложения.

В. Г. Адмони отмечает, что изучение всех этих аспектов важ-

¹³ В. Г. Адмони. Основы теории грамматики. М.—Л., 1964, стр. 40.

¹⁴ В. Г. Адмони. Типология предложения. В кн. «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968, стр. 35; Его же. Содержательные и композиционные аспекты предложения. В сб. «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков». Л., «Наука», 1975, стр. 5—12.

¹⁵ В. Г. Адмони. Партитурное строение речевой цепи и система грамматических значений в предложении. ФН, 1961, № 3, стр. 5—6.

¹⁶ В. Г. Адмони. Содержательные и композиционные аспекты предложения. В сб. «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков». Л., 1975, стр. 6.

¹⁷ Там же.

¹⁸ В. Г. Адмони. Типология предложения. В сб. «Исследования по общей теории грамматики». М., «Наука», 1968, стр. 232—237.

но. На вопрос о том, нельзя ли свести аспекты предложения к логическому и коммуникативному или к каким-либо иным основным аспектам предложения, автор отвечает отрицательно. Он указывает, что все отмеченные аспекты предложения неразрывно связаны друг с другом и в то же время каждый из них является необходимым компонентом грамматической системы предложения.

В. И. Кодухов считает необходимым выделить два основных аспекта предложения. Он пишет: «Если понимать аспект онтологически, т. е. как выделение существенных признаков языковой единицы, то необходимо выделять два основных типа признаков — коммуникативные и структурные. Все остальные признаки языковых единиц так или иначе группируются вокруг этих основных признаков, вычленяющих и характеризующих языковые единицы»¹⁹. Автор указывает, что как коммуникативные, так и структурные единицы языка обладают специфической для них формой и содержанием. Но содержание этих единиц принципиально разнятся. Под коммуникативностью В. И. Кодухов понимает соответствие языковых форм и их речевой актуализации формам мышления.

Коммуникативная семантика, отмечает он, непосредственно направлена на внеязыковую действительность, а структурно-языковая семантика — на сам язык, на его организацию²⁰.

Большое внимание уделил описанию системы аспектов предложения Л. Теньер. Им выделяется четыре аспекта: 1) структурный, 2) линейный, 3) категориальный и 4) функциональный.

Разграничение этих аспектов дает возможность изучить язык как образование целостное и, вместе с тем, структурно дифференцированное. Структурный аспект позволяет установить систему синтаксических связей, которая представляется в виде сетки отношений, имеющей иерархический характер. Категориальный аспект устанавливает классы полных слов (знаменательных частей речи). Функциональный аспект устанавливает, в каких синтаксических функциях выступают эти классы слов. Линейный аспект представляет линейную организацию предложения, т. е. порядок слов в синтаксической конструкции. Таким образом, здесь мы находим целостную синтаксическую концепцию,

¹⁹ В. И. Кодухов. О двух основных аспектах предложения. В сб. «Теоретические проблемы синтаксиса индоевропейских языков». Л., «Наука», 1975, стр. 33.

²⁰ Там же, стр. 33—35.

в которой сочетаются ряд плодотворных моментов традиционного и новейшего синтаксиса²¹.

М. Грель считает, что объектом синтаксиса являются не только грамматические модели предложения, их семантика, но и «все их варианты и модификации, модальные и эмоциональные, а также модификации их предметной информации, вытекающие из консистенции и замысла говорящего (то, что принято называть актуальным членением предложения)»²².

И. П. Распопов в своих работах последовательно проводит идею о необходимости выделения двух аспектов предложения.

1) конструктивно-синтаксический и 2) коммуникативно-синтаксический. Автор указывает, что в первом аспекте предложение характеризуется со стороны своей конструктивной базы, т. е. используемой им в качестве основы для своего построения синтаксической конструкции того или иного типа²³. Во втором аспекте предложение характеризуется как единица коммуникации со свойственным ей и формально сигнализируемым «сообщительным» смыслом²⁴.

Разнообразие аспектов в изучении простого предложения обуславливается тем, что оно, как языковой знак, обладает разнообразием характеризующих его особенностей. Основными особенностями предложения как языкового знака необходимо считать то, что оно: 1) называет (выражает) какую-либо ситуацию и 2) сообщает об этой ситуации. Та сторона предложения, которая связана с называющей (номинативной) функцией, изучается в номинативном аспекте предложения. От номинативного аспекта разграничивают коммуникативный аспект, который связан с коммуникативной (сообщающей) функцией предложения²⁵.

Сопоставляя перечисленные выше точки зрения исследователей, можно прийти к выводу о том, что вопросу об аспектах

²¹ Tesniere L. Elements de syntaxe Structurale. Paris, 1959, стр. 19

²² М. Грель. Из теоретического опыта описания синтаксической системы. В сб. «Грамматические описания славянских языков». Изд-во «Наука», М., 1974, стр. 5.

²³ И. П. Распопов. Строение простого предложения в современном русском языке. Изд-во «Просвещение», М., 1970, стр. 31. Его же. О предмете синтаксиса. В сб. «Очерки по теории синтаксиса». Изд-во Воронежского ун-та, Воронеж, 1973, стр. 21.

²⁴ Там же.

²⁵ Н. Д. Арутюнова. О номинативной и коммуникативной моделях предложения. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка». 1972, вып. 1, т. 31.

предложения в современном языкознании уделяется большое внимание. Синтаксическая теория обогатилась многими исследованиями, содержащими ценные сведения по рассматриваемому вопросу. Однако у синтаксистов не совпадает количество выделяемых аспектов изучения предложения, имеется разноречивость в употреблении терминов. Одни исследователи больше внимания уделяют на одни стороны предложения, а другие — на другие его стороны. Аспекты, которые по тем или иным причинам остаются вне поля зрения одних синтаксистов, выделяются другими исследователями. Например, сочетательный и в частности иерархический, а также линейный и категориальный аспекты остались вне поля зрения В. Г. Адмони. Зато эти аспекты выделены в работах других авторов, например, у Л. Теньера. Но Л. Теньер не отметил коммуникативный аспект, выделенный многими исследователями. Некоторые исследователи выделяют только наиболее важные, на их взгляд, аспекты. При этом они исходят из целей и задач, которые ставятся перед их исследованиями. Таковыми для И. П. Распопова являются два аспекта (конструктивно-синтаксический и коммуникативно-синтаксический), а для П. А. Леканта — три аспекта (структурно-синтаксический, коммуникативно-синтаксический и логико-синтаксический)²⁶ и т. д.

Обобщая достижения современного языкознания по данному вопросу, В. В. Богданов справедливо отмечает, что все аспекты предложения, выделенные синтаксистами, «дополняют друг друга в рамках такого сложного объекта, как текст. Поэтому выделение их в известной мере условно, но необходимо для того, чтобы можно было детально рассмотреть каждую синтаксическую и семантическую особенность текста»²⁷. Анализ работ, посвященных данному вопросу, приводит В. В. Богданова к выводу о том, что необходимо выделить восемь аспектов предложения (с учетом и синтаксиса связного текста), которые представлены в виде таблицы (см. стр. 11).

В данной таблице даются очень важные аспекты предложения. Однако сопоставления показывают, что в ней нашло отражение не все аспекты, отмеченные вышеуказанными исследователями. Достаточно указать, что здесь нет некоторых

²⁶ П. А. Лекант. Грамматическая форма простого предложения и система его структурно-синтаксических типов в современном русском языке. Автореферат дисс. М., 1971, стр. 4.

²⁷ В. В. Богданов. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977, стр. 148.

аспектов, выделенных В. Г. Адмони, хотя эти аспекты, как сам В. В. Богданов отмечает «отражают важные особенности предложения»²⁸.

Разделы науки		Исследуемые аспекты	
Микросинтаксис	Категориальный синтаксис	Синтаксические структуры	Части речи
	Функциональный синтаксис		Синтаксические функции (члены предложения)
	Структурный (сочетательный) синтаксис		Синтаксические внутрифразовые связи
	Линейный синтаксис		Порядок синтаксических единиц
	Интонационный синтаксис		Интонационное оформление предложения
Макросинтаксис	Коммуникативный синтаксис	Семантические структуры	Актуальное членение предложения
	Синтаксис связного текста		Межфразовые связи и структура сверхфразовых единств
	Синтаксическая семантика		Смысл отдельного предложения

В своей докторской диссертации, посвященной семантико-синтаксической организации предложения, В. В. Богданов выделяет такие же синтаксические аспекты предложения, какие выделялись Л. Теньером, структурный, описывающий предложение как иерархию в нем синтаксических связей, линейный, отражающий линейное развертывание предложения, категориальный, репрезентирующий распределение элементов предло-

²⁸ Там же, стр. 145—146.

жения по частям речи, и функциональный, который показывает, какие синтаксические функции выполняют элементы предложения²⁹. Одной из положительных сторон классификации аспектов В. В. Богданова является то, что в ней синтаксические аспекты отделены от семантического и коммуникативного аспектов.

Количество выделенных аспектов предложения иногда зависит от того, что понимается исследователями под термином «аспекты предложения». Большинство авторов под данным термином вслед за В. Г. Адмони понимает те стороны предложения «которые, обладая какими-либо формальными показателями, объективно свойственны предложению как особой синтаксической единице»³⁰.

И. П. Сусов пишет, что понятие аспекта у В. Г. Адмони «оказывается по существу вспомогательным, так как используется для построения системы критериев, на основе которых представляется возможным дать каждому предложению исчерпывающую типологическую характеристику»³¹. Понимая под аспектом предложения не черты (стороны) предложения, по которым могут противопоставляться друг другу определенные типы предложений, а такие стороны в строении предложения, которые выделяются как более или менее самостоятельные части целого, И. П. Сусов выделяет два главных типа аспектов: 1) формальные аспекты, 2) семантические аспекты. Формальные аспекты вычленяются на следующие восемь аспектов: 1) аспект синтаксической структуры, 2) аспект конструктивно-синтаксический, 3) аспект компонентный, 4) аспект юнкционный, 5) аспект линейно-синтаксический, 6) аспект лексического состава, 7) аспект коммуникативно-морфологических средств, 8) аспект интонационного оформления. А семантические аспекты вычленяются на двенадцать аспектов: 1) аспект структуры ситуации, 2) аспект реляционный, 3) аспект предикационный, 4) аспект номинативный (эспликативный), 5) аспект локализации сообщения, 6) аспект модальности, 7) аспект утверждения-отрицания, 8) аспект персональности, 9) аспект темпораль-

В. В. Богданов. Семантико-синтаксическая организация предложения. Авт. докт. дисс. Л., 1977, стр. 25.

³⁰ В. Г. Адмони. Аспекты предложения и система типов предложения. В сб. «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Тезисы докладов». Л., 1971, стр. 3.

³¹ И. П. Сусов. Формальные и семантические аспекты предложения. В сб. «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков». Л., 1975, стр. 61.

ности. 10) аспект целевой установки, 11) аспект актуального членения, 12) аспект эмоционально-экспрессивный³².

Как видим, система аспектов, предложенная И. П. Сусовым, отличается большей дробностью. В ней в основном отмечаются те же основные черты предложения, которые в той или иной форме нашли отражение в работах различных исследователей, изучающих формальную и семантическую устроенность предложения. Однако в отличие от других исследователей И. П. Сусов считает, что смысл предложения формируется в три этапа — реляционный, предикационный и модификационный³³, на каждом из которых семантическая структура предложения пополняется новой смысловой информацией и конкретизируется, после чего выводится на поверхность.

Как видим, в современном языкознании ведется большая работа, направленная выявлению важнейших аспектов предложения. Но выявление важнейших сторон предложения — это не самоцель. Стремление выявить аспектов синтаксических конструкций и, в первую очередь, предложения вызвано признанием многоаспектности последнего и стремлением дать целостное (а не частичное) и системное описание основных синтаксических единиц языка. Но при решении этой важной задачи лингвисты встречаются с большими трудностями. Как справедливо отмечает М. Грель, основная трудность, с которой встречается исследователь при решении данной задачи, определяется, во-первых, большим объемом и сложностью исследуемого объекта, во-вторых, необходимостью выбора подходящего для описания этого объекта метода. Однако каждый из существующих методов страдает определенными недостатками, трудно дать описание синтаксической системы во всей ее полноте и во всех ее основных аспектах. Это «заставляет нас пока прибегать к некоторым теоретическим компромиссам, а иногда даже к известному эклектизму. Решение может быть принято или в пользу теоретической чистоты, выдержанности, или, напротив, в пользу самой цели, т. е. максимальной комплектности, целостности описания. В первом случае мы оказываемся перед опасностью того, что рамки заданного метода ограничат поле нашего зрения; в другом же случае приходится, на мой взгляд, отказаться от единообразия, монолитности теоретического подхо-

³² Там же.

³³ Там же. См. еще: И. П. Сусов. Семантическая структура предложения (На материале простого предложения в современном немецком языке), Тула, 1973, стр. 131—133.

да, — пашет М. Грелль. — Мне не известен ни один метод, удовлетворяющий требованиям комплектности, цельности описания синтаксической системы»³⁴.

Как отмечено выше, не лишены определенных недостатков традиционные методы описания не только всей синтаксической системы языка, но и простого предложения, образующего одну из его подсистем. Но достижения современного языкознания дают возможность создать совершенно новой теоретической модели описания простого предложения. Этому способствует то, что на протяжении последних лет разными школами в языкознании выработаны такие кардинальные синтаксические понятия, как «модель предложения», «регулярные реализации предложения», «парадигма предложения», «синтаксическая деривация», «синтаксические процессы». Каждый из этих понятий и основных аспектов предложения в последнее время стали предметом специальных исследований³⁵.

Одной из последних попыток создания новой модели описания простого предложения является работа Н. Ю. Шведовой, посвященная описанию синтаксиса простого предложения современного русского литературного языка³⁶. В ней предложено формальное описание структурных схем простого предложения и его парадигм. Основаниями данного описания явились положения: 1) о разграничении формального и функционального аспектов предложения, 2) о структурной схеме как элементарном образце, имеющем свою собственную организацию и свое

³⁴ М. Грелль. Из теоретического опыта описания синтаксической системы. В сб. «Грамматическое описание славянских языков». «Наука», М., 1971, стр. 4.

³⁵ Н. Ю. Шведова. Структурные схемы и их регулярные реализации. В кн. «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970; *Ее же*. Типология односоставных предложений на основе характера их парадигм. В кн. «Проблемы современной филологии». М., 1965; *Ее же*. Парадигматика предложения в современном русском языке (опыт типологии). В кн. «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967; Г. А. Золотова. О регулярных реализациях моделей предложения. ВЯ, 1965, № 5; Н. Д. Аритюнова. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., «Наука», 1976; М. Я. Блох. Проблемы парадигматического синтаксиса. Авт. докт. дисс. М., 1977; Л. Н. Мурзин. Синтаксическая деривация. Анализ производных предложений русского языка. Пособие по спецкурсу. Пермь, 1974; П. П. Сусов. Семантическая структура предложения, Тула, 1973; Т. Б. Алисова. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. Изд-во МГУ, 1971; Л. В. Супрун. Грамматика и семантика простого предложения. (На материале испанского языка). М., «Наука», 1977 и др.

³⁶ См. раздел синтаксиса простого предложения в кн. «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970.

значение, 3) о системе форм предложения (его парадигме), показывающей частные стороны предикативности, 4) о несовпадении в предложении категорий его грамматической и семантической структуры и др.

Эти и другие положения данной работы были широко обсуждены на страницах печати. Некоторые вопросы (например, вопросы о составе структурной схемы и парадигме)³⁷ простого предложения вызвали горячие споры исследователей³⁸. Но в общем появление данного исследования расценено как большое событие в истории русистики³⁹. Многие понятия данной модели описания простого предложения используются и подвергаются углубленному изучению не только в научно-исследовательских работах, но и в учебниках и учебно-методических пособиях, предназначенных для высшей школы⁴⁰.

Другую новую модель описания простого предложения, отличную от вышеуказанной, предложила О. И. Москальская, суть которой состоит в синтезировании таких понятий, как «модель предложения», «регулярные реализации модели предложения», «трансформационный ряд», «парадигма предложения», «синтаксические процессы» и «синтаксическая деривация». Автор указывает, что «новым в рассматриваемой модели описания синтаксиса предложения является прежде всего синтезирование всех названных выше понятий, распределение их по рангам и создание последовательности операций, обеспечивающей единое по своему замыслу и системное с точки зрения объекта описания простого предложения⁴¹. О. И. Москальская практически

³⁷ И. П. Распопов. О предмете синтаксиса. «Очерки по теории синтаксиса». Воронеж, 1973, стр. 14—19; А. М. Мухин. Структура предложений и их модели. Изд-во «Наука», Л., 1968, стр. 19—20.

³⁸ См.: З. Д. Попова. (рец. на кн.:) «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970. «Русский язык в национальной школе» 1972, № 2; В. Н. Ярцева, Н. Д. Арутюнова (рец. на кн.:) «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, «Вестник АН СССР», 1972, № 4; И. П. Распопов. О так называемых детерминирующих членах простого предложения. ВЯ, 1972, № 6; А. И. Моисеев. Грамматика современного русского литературного языка. «Русский язык в школе», № 4.

³⁹ А. В. Бондарко, В. И. Кодухов. О новой модели описания грамматического строя русского языка. ВЯ, 1971, № 6, стр. 31—45.

⁴⁰ В. А. Белошапкова. Современный русский язык. Синтаксис. Учебное пособие для студентов филологических специальностей ун-тов. М., «Высшая школа», 1977, стр. 99—113; О. И. Москальская. Проблемы системного описания синтаксиса. М., «Высшая школа», 1974, стр. 5—20.

⁴¹ О. И. Москальская. К модели описания предложения. В кн. «Теория языка. Англистика. Кельтология». М. «Наука», 1976, стр. 84.

осуществила все выдвигаемые ею положения, и созданная ею на основе этого работа⁴² получила у исследователей одобрение⁴³.

В этих условиях, в условиях, когда предложение изучается как объект, имеющий много аспектов, когда появляются специальные исследования, посвященные глубокому всестороннему изучению того или иного аспекта, либо системы аспектов⁴⁴, когда делаются попытки создания новых моделей описания предложения на материале разных языков, не только в карачаево-балкарском языкознании, но и во всех тюркских языках описание синтаксической системы языка в общем и предложения в частности продолжает вестись по принципам так называемой традиционной грамматики. Однако традиционная схема описания структуры и типов предложения страдает большими недостатками. Эти недостатки не раз отмечались исследователями⁴⁵, поэтому мы здесь укажем лишь на некоторые из них, особенно характерных, на наш взгляд, синтаксическим исследованиям тюркских языков.

Исследователи синтаксиса тюркских языков в качестве минимальной синтаксической единицы рассматривают член предложения. Члены предложения подразделяются на главные и второстепенные. К первым традиционно относятся те компоненты предложения, которые входят в предикативную основу двусоставного предложения. Остальные компоненты предложения рассматриваются как второстепенные члены предложения. Второстепенными их называют потому, что они служат для пояснения главных членов предложения. Исходя из этого делается вывод о том, что второстепенные члены предложения не входят в структурную основу предложения. Однако некоторые второстепенные члены предложения с точки зрения семантической устроенности предложения являются такими же необходимыми его компонентами, как и главные члены предложения. Наличие этого недостатка является следствием того, что семантика предложения в тюркологии до сих пор специально не изучалась, что

⁴² О. И. Москальская. Проблемы системного описания синтаксиса. (На материале немецкого языка). М., «Высшая школа», 1974.

⁴³ В. Г. Гак. (рец. на кн.:) О. И. Москальская. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1976, № 1, стр. 136—141.

⁴⁴ См., например, ук. соч. Н. Д. Арутюновой, Т. Б. Алисовой, И. П. Суцова, А. В. Супрун и др.

⁴⁵ И. П. Распопов. О предмете синтаксиса. Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973; Т. П. Ломтев. Основы синтаксиса современного русского языка. Учпедгиз, 1958; Т. Б. Алисова. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., изд-во МГУ, 1971, стр. 3—8 и др.

865/196

в свою очередь также является одним из серьезных недостатков синтаксических исследований тюркских языков. Один из весьма существенных недостатков традиционной теории членов предложения заключается в том, что члены предложения, хотя и выделяются на базе предложения, исследуются в значительной степени безотносительно к предложению. Их изучение ведется зачастую в аспекте взаимных отношений членов предложения. Тем самым изучение членов предложения смешивается в плоскость словосочетания⁴⁶. Второстепенные члены предложения рассматриваются лишь как синтаксические единицы, которые определенным способом связываются с тем или иным членом предложения и поясняются какими-либо другими компонентами предложения. Вопрос о том, какую роль они играют в построении предложения, остается вне поля зрения исследователя⁴⁷. Таким образом, учение о второстепенных членах предложения почти ничем не отличается от учения о словосочетании. «Разграничение главных и второстепенных членов предложения, будучи построено на формально-логической основе, не решает проблемы отношения (второстепенных — И. А.) членов предложения к предложению»⁴⁸.

В настоящее время вопрос о строении предложения и о системе типов предложения занимает центральное место в области изучения синтаксической системы языка. Принятая в монографических исследованиях и учебно-методической литературе классификация простого предложения не имеет единого основания. Она заимствована из синтаксической концепции А. А. Шахматова, основа которой — учение о психологической коммуникации, подвергнута критике и отвергнута⁴⁹. Как отмечает О. И. Москальская, традиционный синтаксис не имеет последовательных принципов описания синтаксических единиц, в том числе и предложения. «Если классификация предложений по цели высказывания, по составу, по полноте имеют в качестве объекта предложение как целое, то основная часть традиционного синтаксиса — учение о членах предложения строится на основании совершенно иного объекта — слова в его

⁴⁶ Г. Г. Почепцов. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, 1971, стр. 31.

⁴⁷ Къарачай-малкъар гилни грамматикасы. Под редакцией Н. А. Баскакова. Нальчик, 1966; У. Б. Алиев. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., «Наука», 1972.

⁴⁸ Г. Г. Почепцов. Ук. соч., стр. 31. См также: А. М. Мухин. Структура предложений и их модели. Л., «Наука», 1968, стр. 37—38.

⁴⁹ См.: А. М. Мухин. Ук. соч., стр. 30—46.

синтаксическом использовании»⁵⁰. Указанные классификации предложений (по цели высказывания, по структуре, по полноте) традиционной грамматикой представляются как различные самостоятельные классификации, не связанные друг с другом⁵¹. Построив свои работы по традиционной схеме, исследователи синтаксиса карачаево-балкарского языка ограничиваются приведением некоторого перечня различных типов предложения, также ничем не связанных друг с другом⁵².

Исходя из вышеизложенного, с полным основанием можно утверждать, что необходимо, сохраняя и развивая накопленные многими поколениями исследователей сведения о типах предложения в тюркских и других языках, выявить типы предложения современного карачаево-балкарского языка, систематизировать и описать их с учетом новейших достижений современного языкознания.

В соответствии с этим наша задача состоит:

1) в установлении конечного инвентаря моделей предложения современного карачаево-балкарского языка, который в каждом языке является уникальным⁵³;

2) в описании конструктивной и семантической структуры моделей простого предложения современного карачаево-балкарского языка;

3) в показе взаимоотношений между грамматической (конструктивной) и смысловой (внутренней) структурой простого предложения карачаево-балкарского языка;

4) в установлении и описании системы форм (парадигмы) моделей простого предложения карачаево-балкарского языка.

Для решения этих задач необходимо рассмотреть такие актуальные в современном языкознании вопросы, как вопрос о природе языкового знака, структурной (конструктивной) и семантической структуре предложения, элементах внутренней и внешней структуры предложения, об их взаимоотношении и т. д., которые являются актуальными не только для карачаево-балкарского языкознания, но и для всей тюркологии, и спорными в общетеоретическом плане.

⁵⁰ О. И. Москальская Ук. соч., стр. 5.

⁵¹ См. там же.

⁵² См.: У. Б. Алиев. Ук. соч.; У. Б. Алиев, М. Т. Жабоев. Къарачай-малкъар тилни грамматикасы. Нальчик, 1965; Къарачай-малкъар тилни грамматикасы (КБНИИ. Коллектив авторов). Нальчик, 1966.

⁵³ Г. Г. Почепцов. Ук. соч.; стр. 53.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. О природе языковых знаков

В последнее время, когда стал очевидным факт о том, что без учета как формальной, так и семантической стороны единиц языка, лингвистические теории не достигнут успеха в изучении как всей синтаксической системы языка, так и предложения, ученые стали обращаться к значению языковых единиц⁵⁴. А это поставило их перед необходимостью исследовать вопрос о знаковом характере языковых единиц, так как язык представляет собой используемую в коммуникативной деятельности человеческого общества систему, состоящую из знаков, предназначенных для репрезентации внеязыковых фактов.

Известно, что знаки бывают разные. Имеется большое количество работ, посвященных изучению типов знаков и их различных признаков⁵⁵. Как видно из этих работ, для любого знака, в том числе и языкового, характерны ряд признаков:

1) знаком является любой объект, который может быть воспринят органами чувств человека, для примера можно привести какие-либо цифры, используемые при математических операциях, дорожные знаки, различные виды символик и т. д.;

2) любой знак информирует человека о самом себе, т. е. знак, как и любой другой объект материального мира, воздействуя на органы чувств человека, информирует его о своем наличии;

⁵⁴ Например, Р. Ружички пишет: «Другая насущная проблема, дискутируемая в теории грамматики и семантики, касается соотношения синтаксического оформления и его семантики. Ясно, что об автономном синтаксисе не может быть и речи». См.: Р. Ружичка. О семантике лингвистической конденсации. В сб. «Проблемы синтаксической семантики. Материалы научной конференции». М., 1976, стр. 45.

⁵⁵ Ю. Д. Апресян. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики. В кн. «Проблемы структурной лингвистики». М., 1963; А. А. Ветров. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968; А. А. Белецкий. Знаковая теория языка. В кн. «Теоретические проблемы современного советского языкознания». М., 1964; В. А. Звегинцев. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968; Э. Г. Аветян. Природа лингвистического знака. Ереван, 1968; Ю. С. Степанов. Семиотика. М., 1971; С. Д. Кацнельсон. Содержание слова, значение и обозначение. М.-Л., 1965; Т. П. Ломтев. О природе языкового знака и языкового значения. Вестник МГУ, 1961, № 1 и др.

3) знак является означающим какого-то факта, соотнесенного с ним, т. е. он сообщает об означаемом. «Знак только указывает на означаемое, но не включает его в себя. Означаемое противостоит знаку как нечто внешнее по отношению к нему»⁵⁶. Например, цифры 1, 2, 3 и т. д. выступающие в качестве знаков, обозначают соответствующие числа, но эти числа находятся вне данных знаков, не входят в их структуру. Отсюда можно заключить, что знак — это некоторый объект, воздействующий на органы чувств человека и в результате этого являющийся воспринятым им и информирующим его о чем-то другом, находящемся вне этого объекта (знака).

Следует уточнить, что мы имеем здесь в виду, когда говорим, что «знак — это какой-либо объект». Известно, что объектом восприятия может быть только материальный объект. Это говорит о том, что и знак, раз является чем-то воспринимаемым, то должен иметь какое-то материальное воплощение. Только в таком случае он может воздействовать на органы чувств человека. Говоря об этом, В. В. Богданов справедливо отмечает, что «экспонент (материальная сторона знака — И. А.) может иметь любое материальное воплощение, ориентированное на пять органов чувств, а именно: акустическое, оптическое, тактильное, ольфакторное или густарное»⁵⁷. Языковые знаки имеют акустическое и оптическое воплощение.

Многие вопросы, связанные со знаковым характером языковых единиц, являются спорными. Например, споры вызывают вопрос о соотношении материальной стороны знака (экспонента) и его значения. сторонники концепции, известной в науке под названием «унилатерализм», признают знаком только материальную сторону знака, экспонент, выполняющий функцию обозначения, а значение из сферы знака они исключают⁵⁸. По их мнению, значение языкового знака — это «отношение языка к внеязыковым явлениям»⁵⁹. «В современной семиотике, — пишет Ю. Д. Апресян, — значение лингвистической формы не

⁵⁶ И. П. Сусов. Семантическая структура предложения. Тула, 1973, стр. 4

⁵⁷ В. В. Богданов. Семантико-синтаксическая организация предложения. Авт. докт. дисс., Л., 1977, стр. 5.

⁵⁸ См.: А. Г. Волков. Язык как система знаков. Изд-во МГУ, 1966, стр. 69; А. А. Зиновьев. Об основах абстрактной теории знака, В сб. «Проблемы структурной лингвистики». М., 1963, стр. 19; А. А. Ветров. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968, стр. 45—47.

⁵⁹ А. А. Реформатский. Лексические мерисмы и семантическая редукция. В кн.: «Проблемы структурной лингвистики, 1972». М., 1973, стр. 270.

отождествляется ни с предметом, ни с какой-либо другой сущностью, но рассматривается как отношение»⁶⁰.

Сторонники другой концепции, называемой билатералистской, критикуют сторонников унилатерализма за то, что они связывают экспонент с денотатом напрямую, а не через мышление. Например, возражая против понимания значения языкового знака как отношение, В. В. Богданов справедливо подчеркивает: «На самом деле значения — это не столько отношение, сколько отражение, отпечаток этого отношения в мозгу человека»⁶¹.

Вслед за многими лингвистами, мы также придерживаемся билатералистской точки зрения. Важнейшей чертой, характерной для данной концепции, является интерпретация языка не как бессодержательной формы, а как такой формы, которая наполнена реальным мыслительным содержанием. Так, Ю. С. Маслов пишет, что целесообразнее говорить о материальном экспоненте, чувственно воспринимаемом, и о его содержании⁶². О необходимости такого понимания знака и его значения говорят еще многие другие известные лингвисты⁶³.

Отношения между экспонентом, замещаемым объектом (денотатом) и значением в соответствии с данной концепцией могут быть представлены в виде треугольника (см. стр. 22)⁶⁴.

В данном треугольнике отнесенности значению соответствует не пунктирная линия, соединяющая непосредственно экспонент с денотатом, а вершина треугольника, указывающая на то, что отношение между ними опосредовано сознанием⁶⁵.

⁶⁰ Ю. Д. Апресян. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики. В сб. «Проблемы структурной лингвистики». М., 1963, стр. 105.

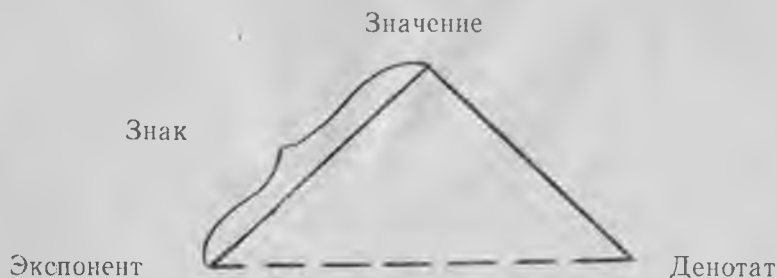
⁶¹ В. В. Богданов. Семантико-синтаксическая организация предложения. Изд-во ЛГУ, Л., 1977, стр. 9.

⁶² Ю. С. Маслов. Указ. соч., стр. 285.

⁶³ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933; С. Д. Кацнельсон. Содержание слова, значения и обозначения. М.—Л., 1965; В. И. Кодухов. Общее языкознание. М., 1974; А. А. Белецкий. Знаковая теория языка. В сб. «Теоретические проблемы современного советского языкознания». М., 1964; Б. Н. Головин. Введение в языкознание. М., 1973; Н. А. Слюсарева. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М., 1975; А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956.

⁶⁴ О треугольнике отнесенности см.: В. А. Звегинцев. Семасиология. М., 1957; П. В. Чесноков. Слово и соответствующая ему единица мышления. М., 1967; Ю. Д. Апресян. Ук. соч.; Ср, также: И. П. Сусов, ук. соч., стр. 3.

⁶⁵ Дж. Лайонз. Введение в теоретическую лингвистику. Изд-во «Прогресс», М., 1978, стр. 428.

«Пользуясь языком, мы передаем информацию не прямо о (внеязыковой) действительности, а о ее идеальных отражениях (в той мере, в какой действительность отображается адекватно. передаваемая информация есть информация о действительности)»⁶⁶.

Отсутствует однозначное решение вопроса о том, какие языковые единицы являются знаковыми. По мнению одних лингвистов (Г. П. Мельников⁶⁷, Г. В. Колшанский⁶⁸, Ю. С. Маслов⁶⁹ и др.), знаковыми являются все языковые единицы, в том числе и фонемы.

Согласно другой концепции минимальным носителем значения является морфема, и о «знаковости можно говорить, начиная с морфемы»⁷⁰. Н. А. Слюсарева подчеркивает, что «морфема — минимальный знакоподобный элемент, который обладает некоторыми свойствами знака — является носителем значения, — и может включаться в знаковую ситуацию»⁷¹. Такой же точки зрения придерживаются А. М. Мухин⁷², Н. Ф. Пелевина⁷³,

⁶⁶ И. Ф. Вардуль. Об идеальных языковых референтах. «Проблемы синтаксической семантики. Материалы научной конференции». М., 1976, стр. 13

⁶⁷ См.: «Материалы конференции «Язык как знаковая система особого рода. Ответы на анкету». М., 1967, стр. 5, 12.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Ю. С. Маслов. Какие языковые единицы целесообразно считать знаками? В сб. «Язык и мышление». М., 1967, стр. 286.

⁷⁰ См.: Материалы конференции «Язык как знаковая система особого рода. Ответы на анкету». М., 1967, стр. 16.

⁷¹ Там же, стр. 20.

⁷² Там же, стр. 16.

⁷³ Там же, стр. 20.

К. Г. Крушельницкая⁷⁴, А. В. Суперанская⁷⁵, Г. С. Клычков⁷⁶ и др.

Однако некоторые лингвисты выступают против отнесения морфем к языковым знакам. При этом они исходят из того, что знаком является формальная единица, соотносимая с денотатом и характеризруемая свойством «отдельности». Такая единица «близка к традиционному знаменательному слову, — пишет Л. Н. Мурзин, — и не включает междометия, модальные слова, а также наречия степени типа «очень», «весьма», «крайне», поскольку им нельзя поставить в соответствие определенный денотат»⁷⁷. Однако вряд ли правомерно такое понимание языкового знака. В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, некоторые морфемы выражают значение элемента семантической структуры предложения. Л. Н. Мурзин фактически ставит знак равенства между средствами выражения элементов семантической структуры предложения и членами предложения. В отличие от членов предложения элементы смысловой структуры предложения могут быть выражены морфемой. Такие морфемы мы условно называем морфологическими средствами выражения элементов смысловой структуры предложения, а знаменательные слова — лексическими средствами их выражения. Благодаря тому, что элементы семантической структуры предложения выражаются морфологическими средствами, смысл предложения, имеющего в своем составе несколько членов предложения, может быть передано однокомпонентным в синтаксическом отношении предложением. Однокомпонентные предложения такого типа некоторые синтаксисты называют одночленной синтаксической конструкцией⁷⁸.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что морфемы являются носителями значения элемента семантической структуры предложения, хотя и не обладают свойством «отдельности», выступают в роли языковых знаков. Главное не в том, обладают они свойством отдельного употребления в речи или нет, а в том, что они являются значимыми элементами, значимость кото-

⁷⁴ Там же, стр. 6.

⁷⁵ Там же, стр. 23.

⁷⁶ Г. С. Клычков. Классификация знаковых систем. В кн. «Семиотика и восточные языки». Изд-во «Наука», М., 1967, стр. 62.

⁷⁷ Л. Н. Мурзин. Синтаксическая деривация. Пособие по спецкурсу. Пермь, 1974, стр. 18.

⁷⁸ А. С. Сафаев. Второстепенные члены предложения в современном узбекском языке. Авт. докт. дисс. Ташкент, 1969, стр. 7.

рых является внутривидовой⁷⁹. Это дает полное основание утверждать, что при описании семантики тюркского предложения о знаковости языковых единиц нужно говорить именно начиная с морфемы.

Широко дискутируется в лингвистике и вопрос о знаковости предложения. Наиболее распространенным является мнение, согласно которого оно считается знаком. Для обозначения его используются такие термины, как «полный знак»⁸⁰, «знак — сообщение»⁸¹, «предикативный знак»⁸² и т. д. А слово как знак соответственно называется «частичным знаком», «номинативным знаком», «знаком-наименованием». Все эти термины указывают на существенные свойства языковых единиц как знаков. Одни из них являются «полными», «сложными» по своему строению и рассматриваются как означающие события, другие — «частичными», «простыми» и рассматриваются как означающие некоторой части (компонента) события⁸³.

2. Проблема изучения семантической структуры предложения в современной лингвистике

Изучением семантики занимаются различные науки, «но ни одна из них не может подменить собой лингвистическую семантику или выступать по отношению к ней в качестве готовой общей теории значения»⁸⁴. Однако опираясь на достижения смежных наук и, в первую очередь, на собственный опыт, ученые-языковеды в последние годы добились определенных успехов в разработке данной проблемы. Большое значение в этом деле имеют работы многих советских (Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гака, С. Д. Кацнельсона, В. С. Храковского, Г. А. Золотовой, Н. Ю. Шведовой, Е. В. Падучевой, И. П. Сусова, В. В. Богдано-

⁷⁹ А. А. Уфимцева. Семантический аспект языковых знаков. В кн. «Принципы и методы семантических исследований. Изд-во «Наука», М., 1976, стр. 39.

⁸⁰ Г. В. Гак. О двух типах знаков в языке. «Материалы к конференции. «Язык как знаковая система особого рода». М., 1967, стр. 2.

⁸¹ Т. В. Булыгина. Особенности структурной организации языка как знаковой системы и методы ее исследования. «Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». М., 1967.

⁸² А. А. Уфимцева. Ук. соч., стр. 37.

⁸³ Г. В. Гак. Ук. соч., стр. 2.

⁸⁴ И. П. Сусов. Семантическая структура предложения. Авт. докт. дисс. Л., 1973, стр. 5.

ва, Т. Б. Алисовой и др.) и зарубежных (У. Чейфа, Ч. Филлмора, Н. Хомского, Дж. Катца, У. Вайнрайха и др.) лингвистов.

Как мы видели выше, общим для большинства ученых, занимающихся изучением номинативного аспекта предложения, является признание того, что предложение — это сложный языковой знак. Положение о том, что предложение имеет сложную организацию, стало исходным тезисом современной лингвистической семантики. Но в изучении семантической структуры предложения встречается ряд вопросов, к решению которых ученые подходят по-разному. Сюда относятся, в первую очередь, вопросы, касающиеся сущности семантической структуры предложения, характера содержательных элементов, из которых состоит она, их номенклатуры и взаимосвязи, типологии семантических структур предложения и др.

В современном языкознании определился ряд подходов к семантической структуре предложения. Наиболее распространенной является ситуативная (денотативная) концепция значения предложения, развиваемая в работах В. Г. Гака⁸⁵.

В. Г. Гак различает глубинные и поверхностные структуры синтаксической конструкции. Глубинный и поверхностный характер синтаксической структуры определяется им на основании сопоставления ее со структурой описываемой ею ситуации (или события). Что же понимается под структурой ситуации? Автор считает, что в «актантах» находят отражение элементы ситуации. Им выделяются следующие семь реальных актантов: 1) субъект (отправитель); 2) объект, 3) адресат, 4) субстанция, содействующая или препятствующая осуществлению процесса (инициатор, орудие, причина), 5) пространственный конкретизатор (местопребывание, исходная или конечная точка движения), 6) временной конкретизатор, 7) субстанция, которой принадлежит либо часть которой составляет субъект или объект⁸⁶. Считается, что ситуация, вернее, ее структура складывается из данных семи содержательных элементов. В. Г. Гак пишет, что «в семиотических системах следует различать два типа знака: полный знак, «представляющий собой законченный продукт семиозиса (семиотического акта), непосредственно и однозначно указы-

⁸⁵ Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл (Логико-семантические проблемы). Авт. докт. дисс. М., 1975, стр. 2.

⁸⁶ В. Г. Гак. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур). В сб. «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». Изд-во «Наука», М., 1969, стр. 80.

вающий на ситуацию, и частичный знак, составляющий элемент полного знака, хотя и имеющий отдельный референт»⁸⁷. Частичный знак «используется для построения полного знака... В языке полный знак — высказывание, частичный знак — слово»⁸⁸.

Отсюда видно, что В. Г. Гаком, предложение рассматривается как полный знак, состоящий из частичных знаков, которые соотносятся с ситуацией лишь путем включения их в полный знак. «Референтом высказывания является ситуация, т. е. совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности, в момент сказывания и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания»⁸⁹, — пишет В. Г. Гак.

Автор показывает, что вышперечисленным реальным актантам соответствуют синтаксические антанты, т. е. члены предложения, отношения между которыми «иконически» отображают реальные отношения между элементами процесса»⁹⁰. Он различает прямую и косвенную номинацию. Рассматривая высказывания как означающие по отношению к отрезку ситуации, исследователь подчеркивает, что если элементы означающего используются в своих прямых значениях и первичных функциях, то глубинные структуры представляют собой прямые номинации. Иначе говоря, прямая номинация создается соответствием реальных и синтаксических актантов: Мен келдим.— «Я пришел». Сен окъуйса.— «Ты учишься».

Поверхностные структуры рассматриваются как косвенные номинации, если их элементы использованы во вторичной функции⁹¹. В том случае, когда «член предложения оформляет несвойственный актант (например, подлежащее обозначает не реальный субъект действия), то он используется в переносной функции, образуя поверхностную структуру, которую можно интерпретировать как семантическую и синтаксическую транс-

⁸⁷ В. Г. Гак. О двух типах знаков в языке. «Материалы к конференции «Язык как языковая система особого рода». Изд-во «Наука», М., 1967, стр. 15.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ В. Г. Гак. Высказывание и ситуация. В кн. «Проблемы структурной лингвистики, 1972». М., 1973, стр. 358.

⁹⁰ В. Г. Гак. О двух типах знаков в языке. Материалы конференции «Язык как языковая система особого рода», М., 1967, стр. 80.

⁹¹ В. Г. Гак. Проблемы лексико-грамматической организации предложения (на материале французского языка в сопоставлении с русским). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, т. II, М., 1967, стр. 437—540.

формацию прямого обозначения (глубинной структуры)»⁹², — отмечает В. Г. Гак.

Из вышеизложенного видно, что здесь под глубинной (семантической) структурой предложения понимается ядерное предложение, состоящее из предиката и некоторых из вышеуказанных реальных актантов.

Реальные актанты напоминают глубинные падежи Ч. Филлмора, который внес определенный вклад в разработку теории лингвистической семантики.

Ч. Филлмор глубинную структуру представляет формулой: $S \rightarrow M + P$, где S — предложение, M — модальный показатель и P — пропозиция. Пропозиция представляет собой предикатно-аргументную конструкцию, в центре которой ставится глагол, а остальные компоненты, в том числе и подлежащее, рассматриваются как зависимые и управляемые глаголом глубинные падежи. Автором выделяются следующие семь таких падежей: агент — одушевленный производитель действия, датив — одушевленный объект, подвергающийся действию, инструменталис — инструмент, фактитив — неодушевленный предмет, возникающий в результате глагольного действия, объектив — неодушевленный объект, подвергающийся действию, локатив — место или его пространственная ориентация, темпоратив — время.

Таким образом, пропозиция представляется формулой: $P \rightarrow V + C_1 + \dots + C_n$, где V — глагол, $C_1 + \dots + C_n$ — глубинные падежи, которые семантически элементарны⁹³.

Падежно-глубинная концепция Ч. Филлмора имеет определенные недостатки, на что указывалось в литературе последних лет. Например, Н. Д. Арутюнова отмечает, что Ч. Филлмор изучает ядро не семантически простого, а синтаксически простого предложения. В его работах нет разграничения семантически простого аргумента, обозначающего события⁹⁴. В. В. Богданов также справедливо замечает: «Ч. Филлмор ввел в свою систему в качестве глубинного падежа включенное предложение, но оставил без ответа вопрос о том, как интерпретировать имена действия или состояния, герундий и инфинитив: при-

⁹² В. Г. Гак. К проблеме синтаксической семантики, стр. 81.

⁹³ Ch. Fillmore. The case for case. «Universals in linguistic theory». N. Y. 1968, стр. 23—25.

⁹⁴ См. например: Н. Д. Арутюнова. Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора. ВЯ, 1973, № 1, стр. 117—124; Ю. Д. Апресян. К построению языка для описания синтаксических свойств речи. В кн. «Проблемы структурной лингвистики, 1972», М., 1973, стр. 300—325.

писывать ли им индекс S, приравнивая их к свернутым предложениям, или же характеризовать их глубинными падежами»⁹⁵. Концепция Ч. Филлмора подвергалась критике и за отсутствие в ней принципов различения и отождествления синтаксических ампула. Ограничиваясь отсылкой к обозначаемому высказыванием событию, Ч. Филлмор не показывает, каким образом идентифицировать глубинные падежи⁹⁶.

В работах В. С. Храковского также рассматриваются вопросы о формальной и смысловой структуре предложения. В. С. Храковский разграничивает понятия смыслового элемента (СЭЛ) и элементарного смысла (ЭСМ).

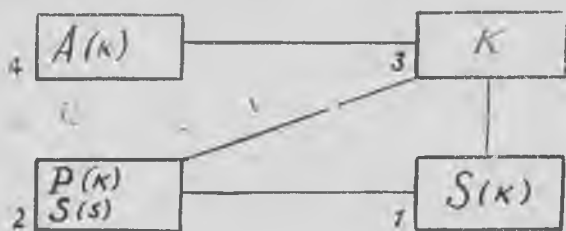
По его мнению, каждый смысловой элемент может быть носителем либо одного, либо нескольких элементарных смыслов. Так, разбирая предложение «Таня легла», автор пишет, что смысловая структура данного высказывания состоит из двух смысловых элементов, каждый из которых является носителем одного смыслового элементарного смысла. Смысловой элемент, представляемый словом «легла», является носителем элементарного смысла «состояние», а смысловой элемент, выраженный в слове «Таня», является носителем элементарного смысла «субъект» (состояния). Смысловая структура предложения «Бабушка заставила Таню лечь» состоит из четырех смысловых элементов, каждый из которых выражен отдельным словом из состава данного высказывания. Смысловой элемент, выраженный словом «заставила», вступает в отношение с смысловыми элементами, выраженными словами «бабушка», «Таню», «лечь», и является носителем элементарного смысла «агенса» (каузации). Смысловой элемент, выраженный словом «Таню», является носителем элементарного смысла «пациенса» (каузации), семантический элемент, выраженный словом «лечь» — носителем элементарного смысла «состояние» (каузации). Вместе с тем смысловой элемент, выраженный словом «лечь», вступает также в отношение с смысловым элементом, выраженным словом «Таню». Этот смысловой элемент по отношению к смысловому элементу, выраженному словом «лечь», по мнению автора, является носителем элементарного смысла «субъект» (состояния). Отсюда им делается заключение о том, что смысловой элемент, выраженный словом «Таню», вступает в отношения не

⁹⁵ В. В. Богданов. Семантико-синтаксическая организация предложения. Изд-во ЛГУ, Л., 1977, стр. 44.

⁹⁶ См.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. Отв. ред. член-корр. АН СССР Б. А. Серебренников. «Наука», М, 1972, стр 301—302

с одним, а с двумя смысловыми элементами и в силу этого является носителем двух элементарных смыслов: «пациенса» (каузации) и «субъекта» (состояния)⁹⁷. Исходя из всего этого, В. С. Храковский приходит к выводу о том, что «смысловую структуру предложения образуют смысловые элементы, отношения между ними и элементарные смыслы»⁹⁸.

Под элементарным смыслом понимается та функция, которую выполняет один смысловой элемент в отношении с другим смысловым элементом. Смысловой элемент, вступающий в отношения с несколькими смысловыми элементами, выражает несколько элементарных смыслов. Так, например, смысловая структура вышерассмотренного предложения (Бабушка заставила Таню лечь) включает четыре смысловых отношения, четыре смысловых элемента и пять элементарных смыслов, что у В. С. Храковского схематически представляется следующим образом:

Здесь А (к) — это агенс (каузации), к — каузация, Р(к) — пациенс (каузации), S(к) — состояние (каузации), S(s) — субъект (состояния)⁹⁹.

Данное предложение иначе можно записать в следующем виде: Бабушка [А(к)] заставила (к) Таню [Р(к) S(s)] лечь S(к).

Отсюда наглядно видно, что под элементарным смыслом и смысловым элементом у В. С. Храковского понимаются одни и те же явления — такие универсальные семантические понятия, как агенс, субъект, объект, адресат, инструмент и т. д. поэтому

⁹⁷ В. С. Храковский. Очерки по общему и арабскому синтаксису. Изд-во «Наука», М., 1973, стр. 18—19.

⁹⁸ В. С. Храковский. Очерки по общему и арабскому синтаксису. Изд-во «Наука», М., 1973, стр. 18.

⁹⁹ Там же, стр. 18—19.

введение термина «элементарный смысл» навряд ли дает исследователю что-либо нового.

Положительным в данной концепции является то, что она позволяет показать, что одно и то же слово (элемент плана выражения, в данном случае слово «Таня») может выражать более одной семантической функции. Эту способность слова В. С. Храковский объясняет тем, что оно связывается в предложении не с одним, а с более количеством слов. Например, в приведенном примере слово «Таня» связано со словами «заставила» и «лечь», и, по мнению автора, оно поэтому и выражает $P(k)$ и $S(s)$. Однако, как показывают факты карачаево-балкарского языка, для того чтобы слово в составе предложения было полифункциональным, не всегда обязательна его связь с несколькими словами. Так, если вышеуказанные рассуждения автора верны, то верно и следующее допущение. Предложение Асият аны окьутханды.— «Асият обучала его» может быть представлено в виде следующей схемы: Асият [$A(k)$] аны [$P(k)$ $S(s)$] окьутханды (k).

Следует отметить, что в более поздних работах автор уже не пользуется термином «элементарный смысл»¹⁰⁰.

Термин «актант» принадлежит Л. Теньеру, в концепции которого не проведено четкого различия между семантическими и синтаксическими актантами.

В. С. Храковский вслед за А. А. Холодовичем считает, что для обозначения семантических актантов необходимо пользоваться термином «партиципant», а для обозначения синтаксических актантов — термином «актант». В инвентарь партиципантов включаются такие семантические понятия, как субъект, адресат, инструмент, место, исходная точка и т. д., а в инвентарь актантов — синтаксические понятия подлежащее, дополнение и т. д.

Разграничение семантических и синтаксических понятий характерно и для традиционной лингвистики и лежит в основе современной концепции глубинных и поверхностных структур, которая разделяется и В. С. Храковским. «В соответствии с этой концепцией одной и той же глубинной семантической структуре, — пишет В. С. Храковский,— соответствуют различ-

¹⁰⁰ В. С. Храковский. Пассивные конструкции: определение, значение, исчисление, типология. В кн. «Проблемы семантики». Изд-во «Наука», М., 1974.

ные поверхностные «реальные» синтактико-морфологические структуры»¹⁰¹. Синтактико-морфологическая структура рассматривается им как поверхностная структура предложения. Глубинная структура предложения приравнивается ситуации и ее партиципантам «которые могут быть записаны в предикатно-аргументной форме, заимствованный из символической логики»¹⁰². Иначе говоря, семантическая структура предложения, как показывает автор, состоит из предиката и его партиципантов (аргументов).

Интересно отметить, что между ситуацией и предикатом В. С. Храковский здесь ставит знак равенства: «Ситуация является предикатом»¹⁰³ В другой же работе автора, вышедшей из печати раньше, ситуация определялась иначе, а именно как референт предложения, отрезок реальной действительности, частное событие, о котором сообщается в высказывании: «Смысловая структура предложения представляет собой вырезанный и обработанный мыслью и языком фрагмент действительности, который принято называть индивидуальной денотативной ситуацией или событием»¹⁰⁴. Как видно из этого определения, семантическая структура предложения — это, по мнению В. С. Храковского, не просто событие, а событие, обработанное мыслью и отраженное в языке. Почти такое же определение дается ситуации и другими учеными. Например, И. П. Сусовым ситуация рассматривается как факт объективной действительности и как факт отражения и переработки этой действительности в сознании человека¹⁰⁵.

И. П. Сусов, отнеся предложения к числу сложных знаков, абстрактному предложению как знаку глубинной сферы языковой действительности противопоставляет конкретное предложение как знак поверхностной сферы. Абстрактное предложение рассматривается им как позиционная структура «для которой прежде всего характерно наличие позиций субъекта и предиката и которая отвлечена от лексического наполнения позиций, мор-

¹⁰¹ Там же, стр. 128.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ В. С. Храковский. Проблемы деривационной синтаксической теории. Авт. докт. дисс. Тбилиси, 1972, стр. 5.

¹⁰⁵ И. П. Сусов. Ситуация как означаемое предложения на реляционном уровне. В кн. «Вопросы английской и французской филологии». Тула, 1972, стр. 26.

фологических показателей и интонационного оформления, т. е. от всех моментов обязательно присутствующих в конкретном предложении»¹⁰⁶, принадлежащем к числу высказываний, являющихся коммуникативными единицами. Абстрактное предложение является моделью, структурной схемой, обладающей лишь синтаксическим значением.

В качестве основного принципа, которым руководствуется автор при описании семантики предложения, принята идея о постепенном, поэтапном порождении предложения, в процессе которого в глубинной сфере совершается переход от абстрактных синтаксических схем (моделей) к конкретным духовным образованиям. Исходным моментом этого порождающего процесса признается абстрактная схема (реляционная структура), которая в результате «привязываемых» к ней операций шаг за шагом обрастает новыми и новыми компонентами и таким образом становится «многоэтажным» построением. На каждой ступени какому-то компоненту сложного означаемого ставится в соответствие определенный глубинный знак. Он добавляется к тому образованию, которое было построено на предыдущей ступени, и тем самым усложняет его как в тектоническом (или формальном), так и в семантическом плане¹⁰². Полученное таким способом «многоэтажное» построение, «подвергается затем кодированию средствами поверхностной сферы, т. е. «выводится на поверхность», становится непосредственно наблюдаемым фактом»¹⁰⁸, т. е. конкретным предложением, являющимся конечным продуктом многоступенчатого порождающего процесса и более или менее полно отвечающим коммуникативным целям.

Таким образом, процесс порождения такого предложения, по мнению И. П. Сусова, включает в себя три ступени: 1) реляционную, которая порождает структуру, изоморфную абстрактной ситуации; 2) предикационную, которая накладывает на реляционную структуру субъектно-предикатное отношение и 3) модификационную, в которой осуществляется модальная, темпоральная, персональная и прочие модификации предикационной структуры.

¹⁰⁶ И. П. Сусов. Семантическая структура предложения. Тула, 1973, стр. 12.

¹⁰⁷ Там же, стр. 13.

¹⁰⁸ Там же. См. еще: И. П. Сусов. Семантическая структура предложения (На материале современного немецкого языка). Авт. докт. дисс. Л., 1973, стр. 10—32.

Реляционная структура предложения у И. П. Сусова напоминает семантическую структуру в концепции Ч. Филлмора и состоит из релятем, репрезентирующих предметы и признаки как элементы ситуации. Соответственно релятемы бывают предметные и признаковые. К первым относятся: а) релятемы исходного предмета (агентивная и неагентивная); б) релятемы замыкающего предмета (пациентивная, атрактивная, локативная, директивная и аблативная; в) релятемы сопутствующего предмета (атрактивная, локативная, директивная, аблативная и инструментальная).

Далее И. П. Сусов указывает, «что одинаковыми терминами обозначаются при этом не разные релятемы, а разные проявления тождественных единиц. Подобная трактовка позволяет различать всего восемь предметных релятем. Кроме этого, выделяется еще восемь признаковых релятем... Комбинации предметных и признаковых релятем дают шестнадцать элементарных реляционных структур»¹⁰⁹.

Основу семантической структуры высказывания составляют денотативные и сигнификативно-референтные значения, что же касается других (сигнификативно-модифицирующих) значений, то они образуют «надстройку» над этой основой.

Большое значение в изучении семантической структуры предложения имеют работы Н. Д. Арутюновой¹¹⁰. Концепция Н. Д. Арутюновой характеризуется выделением тех логико-синтаксических «начал», т. е. тех отношений, которые тесно связаны со способами мышления человека о мире и существенны для формулирования синтаксических структур русского языка. Таких логико-грамматических начал, как полагает автор, четыре: 1) отношения экзистенции, или бытийности, 2) отношения идентификации, или тождества, 3) отношения номинации, или именованья и 4) отношения характеристики, или предикации в узком смысле этого термина.

Отношения первого типа соединяют концент и предмет, понятие и материю. В экзистенциональном предложении утверждается существование (или несуществование) в мире объекта, наделенного какими-либо признаками: Сенде китапла бардыла.— «У тебя книги имеются».

¹⁰⁹ Там же, стр. 21—22.

¹¹⁰ Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., «Наука», 1976; Ее же. О номинативном аспекте предложения. ВЯ, 1971, № 6, Ее же. О номинативном и коммуникативном моделях предложения. «Известия ОЛЯ», 1972, № 1 и др.

Если при соотношениях экзистенции мысль движется от понятия, «образованного некоторой совокупностью признаков, к субстанции, объекту, воплощающему данный набор черт», то при отношениях характеризации, или собственно предикации, заранее дается какой-либо объект, в котором активным мышлением выделяется какой-либо признак или совокупность признаков: Быыл жай иссиди.— «Нынче лето жаркое». Аслан к'ойчуду.— «Аслан — чабан».

Отношения номинации характеризуются тем, что при них соединенными оказываются «объект и его имя, т. е. элемент предметного мира и элемент языкового кода. Ср.: Этого мальчика зовут Коля. Это Коля. Это дерево-сосна¹¹¹»

Отношения именованя могут соединять качество, состояние, явление, событие и способ его обозначения в языке.

Отношения идентификации (тождества) обращены на один и тот же предмет.

Этих четырех типов отношений достаточно для формирования синтаксических структур русского языка. Каждый из них соотносится с определенным типом синтаксических структур (экзистенциальными предложениями, предложениями тождества, предложениями именованя и предложениями характеризации), которые подразделяются на ряд подгрупп.

Н. Д. Арутюнова на богатом материале русского языка убедительно показывает зависимость характера выражаемых в синтаксических структурах отношений от характера значения вступающих в связь слов. Например, функцию предикации выполняют в русском языке прилагательные и глаголы, функцию идентификации — собственные и нарицательные имена, а также местоимения и т. д.

По мнению Н. Д. Арутюновой, специфика пропозитивной номинации (семантической структуры предложения) заключается в том, что «денотатом предложения ... в отличие от денотата слова (существительного) в принципе не может быть «вещь». конкретный предмет. В этом смысле номинация события может быть противопоставлена номинации предмета»¹¹².

Вопросы, связанные с особенностями семантической и синтаксической структуры простого предложения итальянского

¹¹¹ Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1976, стр. 19.

¹¹² Общее языкознание. Внутренняя структура языка. Под ред. член-корр. АН СССР Б. А. Серебrenникова. М., 1972, стр. 309—310.

языка рассмотрены в работах Т. Б. Алисовой¹¹³. По мнению Т. Алисовой, «к дифференциальным признакам, из которых складывается внутренняя (семантическая) структура предложения, принадлежат категориальные семы именных членов предложения (конкретность—абстрактность, одушевленность—неодушевленность)»¹¹⁴. Но самыми важными компонентами семантической структуры предложения оказываются прежде всего классемы предиката. Предложения противопоставляются друг другу по этим наиболее общим семантическим компонентам (признакам), которые сводятся к следующим пяти парам: 1) нерасчлененность — расчлененность понятий о субстанции и ее признаке, 2) абсолютность — относительность признака, 3) локальность — нелокальность отношения, 4) статичность — динамичность признака, 5) активность — неактивность признака. Из комбинации этих компонентов складываются семантические классы и подклассы предикатов: бессубъектные нерасчлененные, абсолютные (статические или динамические, активные или неактивные); относительные локальные (статические или динамические, активные или неактивные); относительные нелокальные неактивные (отношения обладания, восприятия, психической реакции); относительные целокальные активные (каузативные), обозначающие каузацию бытия, каузацию абсолютно-го признака, каузацию локальных отношений, каузацию отношений обладания или восприятия, каузацию каузативных отношений¹¹⁵.

Изучение типов предложений проводится на основе этих типов предиката. Выделяются и анализируются четырнадцать семантических функций актантов в итальянском языке: 1) лицо или предмет, носитель абсолютного признака, 2) лицо или предмет локализации, 3) локализатор, 4) лицо-обладатель, 5) лицо—носитель отношений восприятия, 6) объект обладания и восприятия, 7) лицо—носитель психической реакции или модальной оценки, 8) объект (причина) психической реакции, 9) лицо—производитель активного действия над объектом, 10) производимый, изменяемый, перемещаемый объект, 11) лицо—«получатель» предмета или информации, 12) лицо—произ-

¹¹³ Т. Б. Алисова. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. Изд-во МГУ, М., 1971; *Ее же*. Опыт семантико-грамматической классификации простых предложений ВЯ, 1970, № 2.

¹¹⁴ Т. Б. Алисова. Структура простого предложения в современном итальянском языке. Авт. докт. дисс. Изд-во МГУ, 1971, стр. 15.

¹¹⁵ Там же.

водитель каузированного действия, 13) причина действия и 14) инструмент действия¹¹⁶. Для всех этих семантических функций указаны выражающие их синтаксические актанты, т. е. члены предложения.

Как отмечает Н. Д. Арутюнова, для данной концепции характерен «сдвиг интереса от изучения семантики актантной рамки глагола в сторону значения предиката»¹¹⁷.

В отличие от многих исследователей, Т. Б. Алисова семантическую структуру предложения исследует в аспекте взаимосвязи его денотативной, коммуникативной и модальной стороны. В ее работах семантическая структура предложения трактуется как «двухярусная»: «Смысловая структура всякого высказывания (предложения) «двухярусная», т. е. основана на переплетении модальных и диктальных объектно-предикатных отношений. Поэтому синтаксически релевантные смысловые компоненты, на основании которых выделяются различные типы предложений, принадлежат к двум различным рядам: к ряду понятийных категорий, соотносенных с денотатом (диктумом), и к ряду понятийных категорий, соотносенных с субъектом акта коммуникации и его отношением к денотату и к собеседнику¹¹⁸. На основании первого («семантического») принципа классификации Т. Б. Алисова выделяет в итальянском языке такие типы простых предложений, как нерасчлененные субъектно-предикаты, абсолютные предикаты, относительные предикаты и их подтипы, а на основании второго «модального» принципа классификации—субъектно-оценочные синтаксические наклонения, или типы предложений (синтаксический индикатив, оптатив, гипотетическое наклонение, синтаксический кондиционал и коммуникативные синтаксические наклонения, или типы предложений (повествовательное, вопросительное, побудительное), присоединяющие к субъективно-оценочным смыслам компонент целенаправленного воздействия на слушателя.

Автором совершенно справедливо отмечается, что «семантический» и модальный принципы типологии предложений независимы друг от друга. Денотативное содержание предложения не предопределяет модального смысла предложения, точно так же, как модальный смысл не определяет его денотативного

¹¹⁶ Т. Б. Алисова. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. Изд-во МГУ, М., 1971, стр. 37.

¹¹⁷ Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. Изд-во «Наука», М., 1976, стр. 9.

¹¹⁸ Т. Б. Алисова. Ук. соч., стр. 281.

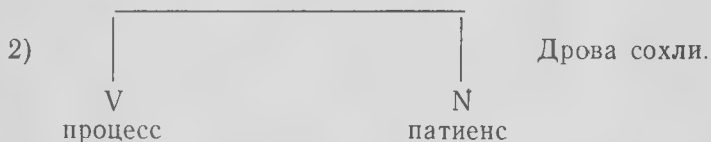
содержания. Исключение из этого правила составляют «предложения с эксплицитной модальностью»: Манга окъургъа керекди.— «Мне необходимо учиться. «Мен окъургъа суюме.— «Я хочу учиться» и т. д.

Несколько иной точки зрения придерживается по данному вопросу Т. В. Шмелева, которая пишет, что смысл предложения представляет собой сложную организацию, включающую три различных компонента: событийный, логический и оценочный. «Задачу семантического синтаксиса составляет изучение каждого из этих компонентов, законов их соединения в одном предложении и способов их языковой репрезентации»¹¹⁹.

По мнению У. Л. Чейфа, центром предложения является глагол, называемый им предикатным элементом, который сопровождается аргументами. У. Л. Чейф выделяет шесть типов глагольных значений: состояния, процессы, действия, глобальные состояния, глобальные действия и процессы-действия¹²⁰.

Вместе с классификацией глаголов У. Л. Чейф дает и классификацию аргументов, в числе которых называет агенс, пациенс, бенефициант, инструмент, сентиенс и т. д.

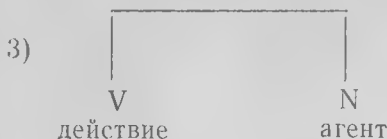
Глагол рассматривается им как элемент, открывающий процесс порождения высказывания. По мнению автора, в значении глагола потенциально содержится все предложение. «В известном смысле глагол и есть предложение; все, что оказывает влияние на глагол, оказывает влияние на предложение в целом»,— пишет У. Л. Чейф¹²¹. Семантическая структура предложений представляется им следующими схемами:

¹¹⁹ Т. В. Шмелева. О семантике структурной схемы предложения. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. 37, 1978, № 4, стр. 357.

¹²⁰ У. Л. Чейф. Значение и структура языка. Изд-во «Прогресс», М., 1975, стр. 114—138.

¹²¹ Там же, стр. 193.

Гарриет пела.

Майкл сушил дрова ¹²²

Как справедливо отмечает С. Д. Кацнельсон, в послесловии книги У. Л. Чейфа «Значение и структура языка», «точка зрения Чейфа на сущность и содержание процесса порождения высказываний представляется более доказательной и убедительной, чем метаязыковая концепция Хомского ¹²³, в которой порождающий процесс начинается с различения готового предложения ¹²⁴. Однако как и многие другие работы, посвященные описанию семантики предложения, данное исследование У. Л. Чейфа не лишено недостатков. В первую очередь, следует отметить, что здесь допускается преувеличение роли глагола в определении содержания высказывания. Невозможно не согласиться с теми учеными, которые считают, что не все содержание предложения зависит от глагола. С его помощью устанавливается категориальный состав аргументов, образующих вместе с предикатом «пропозициональное ядро» порождаемого высказывания. Но в актуально данных предложениях к пропозициональному содержанию присоединяются многие дополнительные элементы, связь которых с предикатом вторична. Таковы, например, временные и модальные характеристики глагольного значения, логические отношения между пропозициями в тексте, атрибутивные характеристики предметов и признаков и т. д. Состав предложения определяется не только содержа-

¹²² Там же, стр. 123.

¹²³ Критику концепции Н. Хомского см. в работе Л. С. Бархударова «Глубинная структура предложения в семантическом аспекте». В сб. «Проблемы синтаксической семантики. Материалы научной конференции. М., 1976. стр. 10—11.

¹²⁴ У. Л. Чейф. Ук. соч., стр. 422.

нием пропозиции, но также структурой текста, частью которого является данное предложение. Всякая теория, учитывающая лишь порождающую силу глагола и отвлекающаяся от требований построения текста, окажется поэтому неполной¹²⁵. Другим важным недостатком такой теории является то, что она может быть перспективна лишь для описания глагольных предложений, а именные предложения остаются за пределами семантического анализа¹²⁶.

Своеобразная концепция смысла предложения выдвинута В. В. Богдановым. Согласно данной концепции знаки языка (слова) бывают двух типов: 1) предикатные знаки и 2) непредикатные знаки. «В элементарном предложении налицо два вида имен: имя, выражающее свойство другого имени или связь между другими именами, и сами связываемые имена. Первые разумно называть предикатными знаками, а вторые — непредикатными знаками»¹²⁷.

В отличие от других авторов, В. В. Богданов использует термин «предикатное выражение» (ПВ). Предикатное выражение может состоять из одного предикатного знака, так и из одного или нескольких непредикатных и одного предикатного знака. Предикатный знак «выполняет организующую функцию в предикатном выражении, в существенной степени определяя его структуру. Именно поэтому имеются все основания считать его подлинным центром ПВ»¹²⁸, — подчеркивает В. В. Богданов. Непредикатные имена рассматриваются им как семантические функции. Всего выделяется четырнадцать семантических функций: агентив, пациентив, бенефициатив, экспериенсив, объектив, перцептив, композитив, инструментатив, медиатив, элементив, ономасиатив, локатив, дескриптив и результатив¹²⁹.

Классификация предикатов, предложенные в работах по синтаксической семантике, имеют различные основания деления и в большинстве случаев несопоставимы друг с другом. Поэтому почти невозможно опереться на них. Учитывая это, В. В. Богданов считает, что разумнее основываться на системе обще-

¹²⁵ Там же, стр. 423

¹²⁶ Н. Ю. Шведова. Место семантики в описательной грамматике (Синтаксис). В сб. «Грамматическое описание славянских языков». Изд-во «Наука», М., 1974, стр. 107.

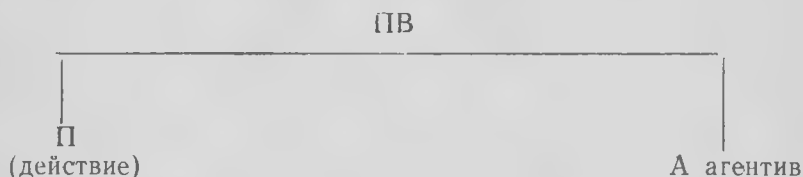
¹²⁷ В. В. Богданов. Ук. соч., стр. 29.

¹²⁸ Там же, стр. 39.

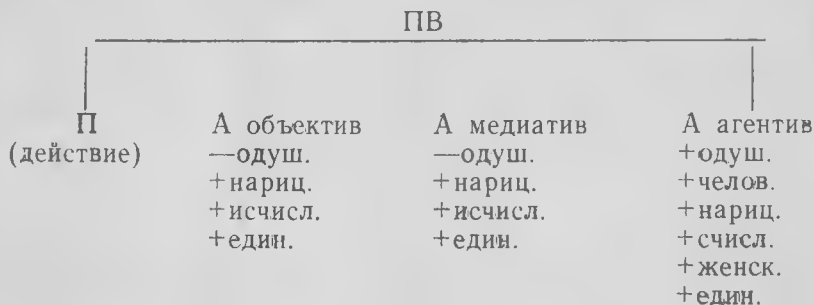
¹²⁹ Там же, стр. 52—55.

признанных исходных классов, разграничивающих действия, состояния, свойства и отношения¹³⁰.

Таким образом, семантическая структура ПВ представляется в его работах в виде схемы, в которой находит отражение семантический тип предиката (П) и число мест аргументов (А). Например, схема семантической структуры для предикатного выражения «Мальчик бежит» имеет следующий вид:

Сравнивая данную схему с вышеприведенной схемой, отражающей семантическую структуру предложения Гарриент пела, мы видим, что концепция В. В. Богданова сходна с концепцией У. Л. Чейфа. Однако В. В. Богданов не ограничивается показом в смысловой структуре предложения семантического типа предиката и числа его аргументов. По его мнению вышеприведенные схемы являются слишком грубыми, неспособными отразить более точную семантику, заключенную в предложениях. Поэтому он применяет субкатегоризацию аргументов, считая, что это дает возможность снабдить аргументы дополнительным набором сем и тем самым получить более специфические СемС (семантические структуры), отражающие семантические свойства более узкого круга ПВ¹³¹. В результате семантическая структура, например, предложения «Мать закрыла окно занавеской» схематически передается следующим образом:

¹³⁰ Там же, стр. 51.

¹³¹ Там же, стр. 60.

Следует отметить, что концепция В. В. Богданова также не лишена определенных недостатков. К последним, на наш взгляд, можно отнести те же недостатки, которые характерны концепции У. Л. Чейфа. В. В. Богданов приводит 42 типа предикатных выражений. В их число включены в основном глагольные предложения¹³². А предложения неглагольного типа остаются вне поля зрения исследователя. В предложенной им системе находит отражение лишь семантическая структура предложения. А по казу того, какими формальными средствами передаются элементы семантической структуры высказывания, уделено слишком мало внимания (см. вышеприведенную схему).

Положительным является то, что В. В. Богданов при описании семантики предложения различает два вида предикатов. 1) включающие предикаты и 2) включенные предикаты.

Наряду с предикатами, аргументами которых являются не-предикатные слова, в языке функционируют и предикаты, аргументные позиции которых занимают предикатные слова. Результатом этого является возникновение своего рода иерархий предикатов. Предикатный знак (например, причастие, деепричастие, имя действия), являющийся аргументом вышестоящего в иерархии предиката, рассматривается как включенный предикат. А предикатный знак, аргументное место которого занимает нижестоящий в иерархии другой предикатный знак, называется включающим предикатом¹³³.

Особенно продуктивным будет, на наш взгляд, использование положения о включающих и включенных предикатах при описании семантики тюркских предложений с глагольно-именными оборотами, которые одними учеными рассматриваются как сложные предложения, а другими — как простые конструкции с развернутыми членами предложения.

Заслуживает внимания и концепция, изложенная в работах Н. Ю. Шведовой. Она подчеркивает, что активизировавшееся в последнее время направление, изучающее семантику предложения в терминах глубоких и поверхностных структур, хотя и достигло интересных результатов, имеет определенные недостатки. К числу последних относится то, что данным направлением «вопрос об иерархически организованной системе единиц значения в синтаксисе вообще не ставится, а трактовка очень многих конструкций как по своей грамматической природе

132

¹³² Там же, стр. 57—58.

¹³³ Там же, стр. 77.

«вторичных», «преобразованных», «порожденных» и т. д. снимает вопрос об их собственной семантике и, таким образом, неизбежно ведет к весьма нежелательным искажениям картины синтаксических связей и взаимоотношений¹³⁴. По ее мнению, не дают желаемых результатов как обращение к структуре ситуации, так и «компонентный анализ входящих в состав предложения слов, вычленение из этого состава лексических сем, дистрибутивными потенциями которых определяется минимальный содержательный комплекс сообщения»¹³⁵.

Н. Ю. Шведова, считает наиболее целесообразным исходить из понимания синтаксической конструкции «как самостоятельного и в самом себе достаточного языкового знака, имеющего свою форму и свое собственное значение, не привнесённое в него ни из якобы породивших его «первичных» структур, ни из внеязыковой ситуации»¹³⁶. Центральным для ее концепции является тезис об уровневой организации единиц содержания в синтаксисе. В непосредственно наблюдаемой синтаксической конструкции по крайней мере различаются два уровня смысла: 1) наиболее отвлеченное категориальное грамматическое значение того абстрактного образца, по которому построена данная конструкция, 2) такое же отвлеченное, собственно грамматическое значение конструкции как конкретной реализации этого образца. Грамматическое значение предложения трактуется как заложенное в самом ее формальном устройстве отношение к референту. В качестве референтов рассматриваются мыслительные категории абстрактного плана. В соответствии с таким общим взглядом считается, что смыслообразующими факторами синтаксического уровня являются: 1) грамматическое значение абстрактного образца предложения, 2) морфологическое значение формы, которой выражен тот или иной синтаксический компонент, 3) синтаксическое значение компонентов и отношение между ними, 4) лексическая семантика слов. Категории семантической структуры и вся семантическая структура предложения формируются с участием и взаимодействием всех этих факторов.

Исходя из такого понимания данного вопроса, семантической структурой предложения считается его информативное

¹³⁴ Н. Ю. Шведова. Место семантики в описательной грамматике (синтаксис). В кн. «Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы». «Наука», М., 1974, стр. 107.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же.

значение, абстрагированное от формальной и словеской организации предложения и представленное как замкнутая система отношений отвлеченных элементов смысла¹³⁷.

Что же представляют собой элементы смысла предложения? На этот вопрос в работах Н. Ю. Шведовой находим следующий ответ: «Если внутри слова лексические «семы» организуются в новое целое смысловое единство — лексическое значение, а словообразующие морфемы — в единое словообразовательное значение, то в семантической структуре предложения такие семы, как субъект, процессуальное или статальное состояние, объект и т. д., сохраняют статус ее отдельных элементов и, объединяясь в автономную «систему с внутренними зависимостями», не обнаруживают тенденции к слиянию в некое новое качество, преобразовавшее в себе эти семы в целостное значение высшего порядка»¹³⁸.

По мнению Н. Ю. Шведовой, иерархическая организация значений в синтаксисе начинается с наиболее абстрактного категориального значения синтаксического образца. Для предложения таким значением является грамматическое значение структурной схемы. Категории с общим абстрактным значением могут объединить в себе частные категории (значения разных структурных схем), имеющих свою семантику, определяемую формальным устройством этой частной категорий. При построении конкретного предложения на основе структурной схемы вступают в действие лексико-семантические факторы и правила облигаторного распространения. «Семантические структуры предложения, по-видимому, следует описывать при анализе реализаций структурных схем и их облигаторных распространителей»¹³⁹, — заключает Н. Ю. Шведова.

Аналогичной точки зрения придерживается и Н. Н. Арват, которая также считает, что предложение является языковым знаком, обладающим самодостаточностью значения. Смысл этого знака заключен в нем самом. Предложение — это формально

¹³⁷ Там же, стр. 112—113. Ср. определение семантической структуры предложения, данное в др. работе автора: «Под семантической структурой предложения понимается его информативное содержание, представленное в абстрагированном виде как закрепленное в языковой системе соотношение типизированных элементов смысла». См.: Н. Ю. Шведова. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения. В кн. «Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации». М., 1973, стр. 461.

¹³⁸ Н. Ю. Шведова. Место семантики..., стр. 117—118.

¹³⁹ Там же, стр. 119.

организованная единица, и ее значение в первую очередь зависит от лексико-семантического материала, который заполняет места (позиции) в нем.

При рассмотрении семантической структуры предложения в качестве исходной ступени анализа используется автором его грамматическая структура, трактуемая в терминах структурной схемы и возникающих при ее реализации структурных типов предложений. Под структурной схемой понимается «отвлеченный от лексического наполнения минимальный образец, являющийся формально грамматическим центром предложения»¹⁴⁰. Учет реализаций структурной схемы и различных ступеней ее распространения, как полагает Н. Н. Арват, требует выделения минимальных и расширенных структурно-грамматических типов предложений. Например, используя структурную схему (несет) можно построить минимальные (Несет листву. Несет табаком) и расширенные (Несет листву по дороге. Из открытой двери сильно несет табаком) структурно-грамматические типы предложений.

Считается, что важным для изучения семантической структуры предложения является рассмотрение вопроса о лексическом наполнении ее структурной схемы. До лексического наполнения структурная схема является носителем «грамматической семантики», а иногда и той понятийной категории, (например, процессуального состояния), которая «закреплена» за грамматическим классом наполнителя схемы. При лексическом наполнении место предиката в каждом из этих мест происходит сложное взаимодействие лексической семантики наполнителя (предиката) с синтаксической семантикой места¹⁴¹. В результате этого возникает компонент семантической структуры предложения. К компонентам семантической структуры предложения относятся субъект, предикат, объект, атрибут, конкретизатор действия или состояния. Соответственно систему синтаксических компонентов предложения составляют подлежащее, сказуемое, дополнение, определение, обстоятельство. Взаимодействием семантических компонентов, которые могут быть выражены имплицитно или эксплицитно¹⁴², создается семантическая структу-

¹⁴⁰ Н. Н. Арват. Семантическая структура безличных предложений в современном русском литературном языке. Автореферат дисс. М., 1975, стр. 8.

¹⁴¹ В. Н. Ярцева. Взаимоотношение грамматики и лексики... В кн. «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968.

¹⁴² См.: У. Вейнрейх. О семантической структуре языка. «Новое в лингвистике», вып. 5, М., 1970, стр. 217.

ра предложения, являющаяся организованным на предикативной основе смысловым комплексом, представляющим собою результат взаимодействия семантических компонентов и отражающим взаимосвязь типизированных элементов экстралингвистической реальности¹⁴³.

Вслед за Н. Н. Арват В. А. Белошапкина также использует термины «минимальная структурная схема» и «расширенная структурная схема» предложения. По ее мнению, задачи синтаксической науки требуют исследования той и другой схемы. Сначала необходимо выделить минимальные структурные схемы. Под минимальной структурной схемой понимается сочетание подлежащего и сказуемого для двусоставного, и главного члена для односоставного предложения. А расширенная структурная схема определяется при опоре на понимание предложения как номинативной единицы и соответственно—минимума предложения как «предела семантической автономности предложения, пригодности к выполнению номинативной функции»¹⁴⁴. В соответствии с данным положением считается, что задача учения о структурной схеме предложения состоит в определении минимума компонентов, при котором предложения вне зависимости от контекста являются самодостаточными и способными к выполнению коммуникативной функции. Таким образом, расширенная структура предложения включает в себя: а) минимальную структурную схему, б) надежные формы с субъектным значением, в) надежные формы с объектным значением, г) компоненты, восполняющие информативную недостаточность сказуемого двусоставного предложения или главного члена односоставного предложения (Мында игиди.— «Здесь хорошо». Аслан Москвада турады.— «Аслан живет в Москве», д) компоненты, в соединении с которыми форма главного члена односоставного предложения получает грамматическую однозначность, ср.: Тютюн ичедиле.— «Курят» и Мынд тютюн ичедиле.— «Здесь курят»¹⁴⁵.

Аналогичное решение находит данный вопрос и у чехословацких синтаксистов, изучающих синтаксис русского языка. Они вводят в структурную схему все компоненты предложения, необходимые для его информативной достаточности: а) субстан-

¹⁴³ Н. Н. Арват. Ук. соч., стр. 7—20.

¹⁴⁴ В. А. Белошапкина. Современный русский язык. Синтаксис. Изд-во «Высшая школа». М., 1977, стр. 116.

¹⁴⁵ Там же, стр. 117.

гивные и адвербиальные обязательные присловные распространители сказуемого или главного члена односоставного предложения, б) все падежные формы (формы именительного, дательного, творительного и родительного падежей) с субъектным значением ¹⁴⁶.

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Как отмечено выше, в исследованиях по синтаксису тюркских языков основное внимание исследователей до сих пор продолжают занимать вопросы, связанные с формальным строением предложения. В них о семантике говорится лишь в тех случаях, когда речь идет, например, о компонентах предложения и словосочетания и их взаимоотношениях и типах, или когда необходимо разграничить типы предложения по цели высказывания. Для исследователей синтаксиса карачаево-балкарского языка характерным является то, что при изучении структуры предложения они опираются на структуру мысли, в членах предложения видят соотношение с членами суждения, типы предложения определяют с учетом характера выражаемых ими суждений. Упрощенное понимание взаимосвязи формальных и смысловых элементов предложения как простого взаимодозначного соответствия приводит их к выводу о том, что любое существительное обязательно обозначает предмет, любой глагол — действие, любое дополнение — объект, а субъект может быть выражен только подлежащим и т. д. ¹⁴⁷. Однако факты языка показывают, что один и тот же смысл (или элемент смысла) может быть выражен различными средствами. Т. Б. Алисова справедливо подчеркивает, что «констатация объективного факта асимметрии отношений между означающим и означаемым, а также реакция на чрезмерное увлечение «логической» интерпретацией синтаксических категорий привели многих лингвистов к мысли о том, что между грамматической (синтаксической) формой предложения и его «материальным» лексическим содержанием нет необходимой связи и, что, следовательно, описание языка, объ-

¹⁴⁶ Коллектив авторов. Синтаксис русского языка. Прага, 1974, стр. 46—74; М. Грель. К сущности типов предложений в славянских языках. ВЯ. 1967, № 5; Я. Светлик. Синтаксис русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава, 1970; П. Адамец. Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка. Прага, 1973 и др.

¹⁴⁷ См., например: У. Б. Алиев, М. Т. Жабоев. Қырачай-малкъар тилин грамматикасы. Нальчик, 1965; У. Б. Алиев. Синтаксис карачаево-балкарского языка. «Наука», М., 1972.

едняющее высказывания, одинаковые по смыслу, но различные по форме, не имело бы никакой научной ценности»¹⁴⁸.

В последние два десятилетия резко возрос интерес к изучению семантики синтаксических единиц, особенно предложения. Активизация исследования вопросов, связанных с семантикой предложения, с взаимодействием и взаимопроникновением его формальной и смысловой сторон и т. д., позволяет «говорить о своего рода семантическом взрыве в новейшем языкознании»¹⁴⁹.

Интерес к семантике предложения не случаен. Развитие лингвистики за последние годы показало, что лингвистические исследования, проведенные без учета смысловых сторон языковых единиц фактически малоэффективны и ведут в тупик. Сейчас уже никто не отрицает необходимости изучения предложения в непосредственном отношении к выраженному им смыслу. Говоря о содержании сборника, составленного на основе материалов дискуссии по актуальным проблемам семантики, проходившей в 1971 году в Институте востоковедения АН СССР, В. М. Солнцев подчеркивает, что всех авторов данного сборника объединяет признание безусловной необходимости изучения семантической стороны языка¹⁵⁰. Более того лингвисты считают, что исследование семантики предложения «чрезвычайно обогащает языкознание»¹⁵¹.

Однако изучение данной проблемы начато сравнительно недавно — 10—15 лет назад¹⁵². Поэтому многие вопросы, связанные с ней, пока остаются дискуссионными. Во-вторых, решение данной проблемы на материале карачаево-балкарского языка невозможно без учета результатов исследований, посвященных семантике предложения, и, в-третьих, «различия во взглядах отдельных лингвистов на синтаксические проблемы не подверглись сколько-нибудь серьезному анализу»¹⁵³. По этим

¹⁴⁸ Т. Б. Алисова. Структура простого предложения в современном итальянском языке. Авт. докт. дисс. Изд-во МГУ, 1971, стр. 1—2.

¹⁴⁹ И. П. Сусов. Предисловие сб. статей «Вопросы лингвистической семантики». Тула, 1975, стр. 3.

¹⁵⁰ В. М. Солнцев. К вопросу о семантике, или языковом значении. В сб. «Проблемы семантики». «Наука», М., 1974, стр. 4.

¹⁵¹ В. Г. Адмони. Синтаксическая семантика — это семантика синтаксических структур. В сб. «Проблемы синтаксической семантики. Материалы научной конференции». М., 1976, стр. 8.

¹⁵² Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. «Наука», М., 1976, стр. 5.

¹⁵³ Т. П. Ломтев. О спорных вопросах теории синтаксиса. НДВШ ФН 1958, № 4.

объективным причинам рассмотренные выше концепции трудно сопоставить. Несмотря на это, анализируя их и обобщая результаты проведенных силами многих лингвистов исследований, можно прийти к следующим общим выводам.

Предложение, являясь сложным знаком, характеризуется двусторонностью. Изучение его в номинативном аспекте показывает, что форма и содержание предложения представляют собой определенные структуры, характеризующиеся соотносительностью, но не абсолютным параллелизмом. Асимметрический дуализм создает в предложении, как и в языке вообще, такое соотношение между формой и содержанием, при котором одно и то же содержание может передаваться несколькими формальными структурами, одной и той же формальной структурой могут быть представлены различные смысловые структуры. Форма предложения не только тесно связана с его содержанием, но и составляет с ним органическое единство. Полнота изучения предложения обуславливается тем, как глубоко и последовательно учитывает исследователь обе стороны предложения: содержательную и формальную. Изучение предложения в единстве формы и содержания дает целостную картину, в которой комплексно представляется взаимодействие и взаимопроникновение его обеих сторон.

Достоверность результатов любого исследования определяется в первую очередь методологией и методикой исследования. В работах советских лингвистов неопровержимо доказывается, что ведущим методологическим принципом, положенным в основу анализа семантико-синтаксической структуры предложения, должен быть принцип единства формы и содержания, являющихся диалектически связанными между собой явлениями. В этом единстве преобладающее значение принадлежит содержанию. При анализе семантической структуры предложения большое значение имеет учет положений диалектического материализма об отношениях языкового знака, о взаимосвязи языка с мышлением и действительностью и о специфичности знаковой природы предложения.

Таким образом, рядом с лексической семантикой, которая до недавнего времени отождествлялась с лингвистической семантикой в целом, в настоящее время формируется семантика предложения, ставшая центром грамматической семантики.

Данная проблема сейчас занимает центр внимания лингвистов. Вопросы семантико-синтаксической организации предложения интенсивно обсуждаются не только на многочисленных конференциях, семинарах, симпозиумах. Проблематике, относя-

щейся к семантике предложения, посвящаются специальные монографические исследования, диссертационные работы. Вопросы грамматической семантики стали освещаться даже в вузовских учебных пособиях. Правда, исследование семантики предложения пока проводится на материале ограниченного количества языков. Как уже отмечено, полностью отсутствуют работы, построенные на материале карачаево-балкарского и других тюркских языков.

Если лексическая семантика располагает вполне сложившимся понятийным аппаратом и довольно широким набором методов и процедур анализа, то о грамматической семантике пока этого говорить нельзя. Имея в виду, это В. А. Белошапкова справедливо подчеркивает, что «изучение семантической структуры предложения в русском языкознании только начинается»¹⁵⁴. «Семантика высказывания еще только формирует круг теоретических понятий и методические приемы анализа»¹⁵⁵. Во взглядах лингвистов на эти понятия много расхождений. Существуют различные подходы к анализу семантики предложения. Наибольшее распространение получили два основных направления. Представители одного из этих направлений, названного Н. Д. Арутюновой денотативным, или ситуативным¹⁵⁶, при изучении смысла предложения ориентируются на структуру конкретной внеязыковой ситуации, отраженной в предложении, в смысловых компонентах синтаксической единицы и отношениях между ними усматривают воспроизведение отношений между предметами описываемой ситуации. Но само понятие ситуации используется ими в разных значениях: «оно относится то к миру, то к языку (к его семантике), то к способу мышления о мире»¹⁵⁷.

Сторонники другого направления в изучении смысла предложения опирается на собственно языковые факты. Это наиболее ярко проявляется в трудах Н. Ю. Шведовой, которая исходит из понимания предложения как самостоятельного знака, имеющего свою собственную форму и свое собственное значение, не привнесенное в него ни из якобы породивших его «первичных»

¹⁵⁴ В. А. Белошапкова. Ук. соч., стр. 131.

¹⁵⁵ И. П. Сусов. Предисловие. Сб. «Вопросы лингвистической семантики». Тула, 1975.

¹⁵⁶ Н. Д. Арутюнова. Ук. соч., стр. 6.

¹⁵⁷ Там же, стр. 7.

структур, ни из внеязыковой ситуации»¹⁵⁸. Такое понимание языкового знака дает возможность при изучении семантической структуры предложения в качестве исходной ступени использовать анализ синтаксической структуры модели (схемы) предложения. А это в свою очередь позволяет показать, как происходит лексическое наполнение «мест» синтаксической структуры, как образуется семантическая структура предложения и его компоненты, какими средствами передаются они и т. д. Направление исследования от формы к содержанию гарантирует «полноту, строгость и точность исходной организации материала», дает возможность при анализе семантической структуры предложения обратиться к объективно данным материальным единицам как к знакам, смысл которых заключен в них самих. А направление семантической структуры предложения от содержания к форме ничего этого не гарантирует»¹⁵⁹.

Некоторые исследователи говорят о взаимной независимости единиц синтаксического и семантического уровня. Однако компоненты семантической структуры предложения материализуются только в языковых единицах, поэтому целесообразно изучать эту структуру на материальном уровне этих единиц. «Синтаксическая семантика как грамматическое явление существует только как семантика синтаксических структур. Она существует в форме значений, которые наслаиваются на лексические и морфологические значения, закономерно сочетающихся в синтаксических структурах»¹⁶⁰. Носителями значений в таких структурах являются не только слова, но и морфемы. В конечном счете значение предложения карачаево-балкарского языка в большей степени зависит от наполняющего его компоненты лексико-семантического материала. В этом отношении очень важно установить, выразителем каких семантических структур могут быть предложения одинакового формального строения.

Исходным тезисом современного языкознания является признание того, что содержательная структура предложения, как и

¹⁵⁸ Н. Ю. Шведова. Место семантики в описательной грамматике (синтаксис). В кн. «Грамматическое описание славянских языков». М., 1974, стр. 107.

¹⁵⁹ Н. Ю. Шведова. Ук. соч., стр. 118.

¹⁶⁰ В. Г. Адмони. Синтаксическая семантика — это семантика синтаксических структур. В кн. «Проблемы синтаксической семантики. Материалы научной конференции». М., 1976, стр. 6. См. также: Д. Н. Шмелев. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. Изд-во «Наука», М., 1976, стр. 13—15.

его формальная структура, имеет сложную организацию. Однако в понимании того, что из себя представляет эта организация, среди лингвистов нет полного единства. Каждое из вышеуказанных направлений в изучении грамматической семантики опирается на свое понимание семантической структуры предложения. Денотативное направление основной своей задачей считает в данном случае определение отношений между высказыванием и обозначаемой им экстралингвистической ситуацией, которая, как мы уже отметили, лингвистами трактуется по-разному. В трактовке второго направления семантическая структура предложения представлена как определенным образом организованный комплекс семантических категорий, являющихся обобщенными и типизированными знаками явлений объективной действительности. Например, Н. Ю. Шведова определяет семантическую структуру предложения следующим образом: «Семантическая структура предложения — это его информативное значение, абстрагированное от формальной и словесной организации предложения и представленное как замкнутая система отношений отвлеченных элементов смысла»¹⁶¹.

В работах лингвистов, исследующих семантическую структуру в аспекте взаимосвязи его денотативной, коммуникативной и модальной стороны, содержательная структура предложения трактуется как «двухъярусная». В данном случае предложения классифицируются на основе «семантического» и «модального» принципов. При этом данные принципы рассматриваются как независимые друг от друга, так как «семантическое (денотативное) содержание не предопределяет модального смысла предложения, и наоборот»¹⁶². Так, Т. Б. Алисова пишет: «Смысловая структура всякого высказывания (предложения) «двухъярусна», т. е. она основана на переплетении модальных и диктальных субъектно-предикатных отношений»¹⁶³.

Недостаточным чисто «когнитивного» описание предложения считают и некоторые другие исследователи¹⁶⁴. Так, согласно концепции, выдвинутой И. П. Сусовым, значением принято считать отношение языкового знака к внеязыковому означае-

¹⁶¹ Н. Ю. Шведова. Место семантики в описательной грамматике (синтаксис). В кн.: «Грамматическое описание славянских языков». Изд-во «Наука». М., 1974, стр. 112—113.

¹⁶² Т. А. Алисова. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. Изд-во МГУ, 1971, стр. 281.

¹⁶³ Т. Б. Алисова. Ук. соч., стр. 280.

¹⁶⁴ См.: И. И. Ревзин. Структура языка как моделирующей системы. Изд-во «Наука», 1978, стр. 136—144.

тому, проводится разграничение абстрактных и конкретных знаков. Первые из них принадлежат глубинной сфере языка, вторые служат манифестации первых в поверхностной сфере языка. Формирование предложения в глубинной сфере языка рассматривается как процесс отбора и соединения абстрактных знаков. Они отбираются сперва из числа знаков с реляционным значением, затем — из числа знаков предикационного уровня и, наконец, из числа знаков с модифицирующими значениями. Таким образом, рядом с лексическим кодированием имеют место неноминативные тектонико-семантические операции, посредством которых в семантическую структуру высказывания включаются различные значения, актуализирующие абстрактное предложение «В результате абстрактное предложение получает надстройку в виде модификационной ступени, т. е. своего рода третий «этаж». Возникает «трехэтажное» модифицированное (или актуализованное) предложение¹⁶⁵. Знаки модификационной ступени выступают как операторы, относящиеся к числу суперсинтаксических средств. Значения, выражаемые этими средствами и вносимые в семантическую структуру немецкого предложения, квалифицируются как суперсинтаксические. К последним относятся такие значения, как значение модальности, времени, дескрипции предметов, а также персональность, отрицание, подчеркивание части высказывания, вопрос, побуждение и эмоционально-экспрессивная оценка.

А у Т. Б. Алисовой на основании «модального» принципа классификации в итальянском языке выделяются: 1) субъективно-оценочные синтаксические наклонения, или типы предложений (синтаксический индикатив, оптатив, гипотетическое наклонение, синтаксический кондиционал) и 2) коммуникативные синтаксические наклонения, или типы предложений (повествовательное, вопросительное, побудительное), присоединяющие к субъективно-оценочным смыслам компонент целенаправленного воздействия на слушателя¹⁶⁶.

Сопоставив результаты исследований синтаксистов данной группы, можно увидеть, что на данном уровне анализа предложения ими выделяются разные по количеству и качеству значения, называемые то «модальными»¹⁶⁷, то «суперсинтаксическими»¹⁶⁸, то «коммуникативными»¹⁶⁹.

¹⁶⁵ И. П. Сусов. Ук. соч., стр. 95.

¹⁶⁶ Т. Б. Алисова. Ук. соч., стр. 281.

¹⁶⁷ Там же, стр. 280.

¹⁶⁸ И. П. Сусов. Ук. соч., стр. 95.

¹⁶⁹ И. И. Ревзин. Ук. соч., стр. 139.

Из анализа имеющейся литературы видно, что мнения лингвистов расходятся и в вопросе о том, из каких элементов складывается семантическая структура предложения. По мнению одних исследователей, такая структура в основе своей представляет собою логическое образование, и поэтому она должна описываться с учетом понятий и категорий математической логики. Другие же ученые считают более целесообразным описывать смысл предложения в более «содержательных терминах», какими, по их мнению, являются термины глубинных падежей или семантических ролей¹⁷⁰.

Таковы общие выводы, к которым можно прийти в результате анализа имеющейся основной литературы по исследуемой проблематике.

В рассмотренных концепциях много других различий частного характера, которых мы коснемся ниже при решении соответствующих вопросов. А сейчас перейдем к рассмотрению тех вопросов, которые требуют уточнения или специального изучения.

КОМПОНЕНТЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Одной из важных проблем, решение которых необходимо при описании смысловой структуры предложения, является проблема ее семантических компонентов. Несмотря на свою важность и актуальность, эта проблема пока еще не нашла однозначного решения в лингвистической литературе. Многие вопросы, связанные с нею, продолжают оставаться спорными.

1. Способ характеристики компонентов семантической структуры предложения

Мнения лингвистов расходятся в вопросе о том, в каких терминах охарактеризовать аргументы (предметные компоненты) предложения. В синтаксических исследованиях для характеристики компонентов предложения используются четыре относительных ряда терминов: 1) предикат — аргументы (семантические падежи, 2) предикат — субъект—объекты, 3) ска-

¹⁷⁰ См. работы Ч. Филлмора, В. Г. Гака, У. Чейфа, Т. Б. Алисовой и др.

зуемое — подлежащее — дополнения и 4) рема-тема. Однако эти ряды терминов не всеми исследователями используются в одинаковом смысле. Поэтому необходимо коротко остановиться на данном вопросе.

В работах по синтаксису тюркских языков встречаются только термины второго, третьего и редко четвертого ряда. Часто такие пары терминов, как «субъект» и «подлежащее», «предикат» и «сказуемое» и т. д. используются как равнозначные, поэтому бывает неясно, какие элементы предложения имеются в виду, синтаксические или смысловые. Учитывая это, многие исследователи в целях различения этих понятий используют термины «грамматический субъект», «логический субъект» и т. д.¹⁷¹.

Такие пары терминов, как «субъект» и «подлежащее», «объект» и «дополнение» используются как равнозначные и относятся к поверхностной сфере языка не только тюркологами, но и отдельными исследователями других языков. Например С. Д. Кацнельсон пишет, «что субъект предложения — категория не мыслительная, не пропозициональная»¹⁷².

Однако многие лингвисты понятия субъекта и объекта относят к глубинной, а понятия подлежащего, сказуемого и т. д. — к поверхностной структуре языка. Такое явление характерно не только исследованиям по синтаксической семантике, но и синтаксическим исследованиям, выполненным по традиционной схеме, в том числе и работам, посвященным изучению синтаксического строя тюркских языков¹⁷³.

На вопрос о том, из каких компонентов состоит семантическая структура предложения, по-разному отвечают и сами лингвисты, занимающиеся изучением глубинной структуры предложения. Обзор существующих точек зрения показывает, что большинство из них сходятся на том, что такая структура представляет собой логическое образование, и ее необходимо описывать с учетом понятий и категорий математической логики. На осно-

¹⁷¹ Грамматика азербайджанского языка. Под общей редакцией М. Ш. Ширалиева и Э. В. Севортяна. Баку, 1971, стр. 343.

¹⁷² С. Д. Кацнельсон. О категории субъекта предложения. В кн. Универсалии и типологические исследования. М., «Наука», 1974, стр. 109.

¹⁷³ А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 108 и след.; И. Д. Джакубов. Основы синтаксиса простого предложения современного киргизского литературного языка. Авт. докт. дисс. Фрунзе, 1966 и др. См. также сборники: «Типология каузативных конструкций. Днатеги и залогти». Л., 1974. «Категория залога. Материалы конференции». Л., 1970.

ве применения аппарата математической логики строят концепцию глубинной структуры Ч. Филлмор, И. П. Сусов, Е. В. Падучева, А. К. Жолковский и многие другие отечественные и зарубежные лингвисты.

В соответствии с принципами математической логики предложение представляет собою пропозицию¹⁷⁴, состоящую из предиката и его аргументов, количество которых определяется валентностью предиката. Число «мест» определяет тип предиката. По своим логико-синтаксическим потенциям предикаты с количеством мест больше одного существенно отличается от одноместных. В логике принято поэтому делить предикаты на одноместные («свойства») и многоместные («отношения»)¹⁷⁵. Согласно наиболее распространенному мнению, у одноместных предикатов бывает только субъект, а у многоместных — один субъект и до трех объектов.

На таком логическом фундаменте построена глубинная структура у многих исследователей. В том случае, когда предикат имеет несколько объектов, их различают цифровыми индексами¹⁷⁶.

Нумерация объектов иногда проводится одновременно с их субъектно-объектной характеристикой. Поэтому такой способ характеристики аргументов условно можно назвать субъектно-объектным.

Такой способ характеристики аргументов принимается не всеми лингвистами. Так, В. В. Богданов пишет: «Сопоставляя четыре соотносительных ряда терминэв и понятий (1) предикат — аргументы (семантические функции), 2) предикат-субъект-объекты, 3) сказуемое-подлежащее-дополнения, 4) рема-тема), нельзя не отметить, что ряд 2 занимает определенно промежуточное положение между рядами 1, 3. Структура, описанная в терминах ряда 2, не является ни строго семантической, ни строго синтаксической (поверхностной). Она, так сказать, «более глубинна», нежели структура, описанная в терминах ряда 3, так как при некоторых типах трансформаций, например,

¹⁷⁴ О понятии «пропозиция» и этапах его развития подробнее см.: Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1976, стр. 21—81.

¹⁷⁵ С. Д. Кацнельсон. Ук. соч., стр. 108.

¹⁷⁶ Е. В. Падучева. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974; А. К. Жолковский. Модель «смысл \leftrightarrow текст». В кн. «Энциклопедия кибернетики», т. II. Киев, 1974; Г. М. Ильин и др. Лингвистический подход к задаче построения информационной системы. В кн. «Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода», вып. II, М., 1971 и др.

пассивизации, номинализации и др., характер субъектно-объектных отношений остается неизменным. Ср. предложения «Партизаны взорвали мост» и «Мост взорван партизанами», где в обоих случаях, партизаны являются субъектом, а мост — объектом, в то время как подлежащее и дополнение меняются. В то же время эта структура «более поверхностна» по сравнению со структурой, описанной в терминах ряда 1, поскольку субъект может быть выразителем агенса (ср. «Партизаны взорвали мост») и средства (ср. «Мина взорвала мост»)»¹⁷⁷. Это в свою очередь приводит исследователей к выводу о том, что понятия субъекта и объекта являются малосодержательными, что ставит под сомнение возможность адекватного описания семантической структуры предложения в указанных терминах¹⁷⁸.

Как известно, Ч. Филлмором предложена система так называемых глубинных падежей, или семантических ролей. Теория Ч. Филлмора, хотя и не лишена серьезных недостатков, которые достаточно полно показаны Н. Д. Арутюновой¹⁷⁹, содержит идею, сущность которой заключается в том, чтобы характеризовать аргументы не в терминах субъекта или предиката, а в более «содержательных» терминах семантических ролей, остающихся неизменными при любых трансформациях глубинной структуры. Структура, описанная в терминах семантических ролей, является семантической, так как она состоит из семантических единиц, связанных семантическими отношениями. Использование терминов семантических ролей дает возможность показать деривационно-семантические отношения между предложениями, которые прежде рассматривались как семантически несвязанные.

Рассматриваемая концепция оказала стимулирующее влияние на грамматико-семантические исследования и нашла отражение в работах многих исследователей, в частности В. Г. Гака, У. Чейфа, И. П. Сусова, Т. Б. Алисовой, Н. Н. Арват и др. В работах всех этих лингвистов глубинная структура формируется из предиката и аргументов, помеченных ролями.

Для обозначения предметных компонентов предложения в языкознании используются различные термины: актанты (Л. Теньер), предикандумы (С. Д. Кацнельсон), предметные

¹⁷⁷ В. В. Богданов. Ук. соч., стр. 117.

¹⁷⁸ В. В. Богданов пишет: «В принципе, по-видимому, можно было бы обойтись без терминов ряда 2». См. ук. соч., стр. 117.

¹⁷⁹ Н. Д. Арутюнова. Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора. ВЯ, 1973, № 1, стр. 117—124.

места (Т. П. Ломтев), аргументы (У. Чейф, В. В. Богданов и др.), элементарные смыслы (В. С. Храковский), релятемы (И. П. Сусов), реальные актанты (В. Г. Гак) и т. п. Однако этими терминами по сути дела выражаются одни и те же явления — семантические составляющие глубинной структуры предложения. Эти элементарные семантические падежи (роли, функции) определяются как набор универсальных понятий, определяемых в семантических терминах. Они противопоставляются грамматическим падежам, которые понимаются как набор правил поверхностной реализации семантических падежей.

Таким образом, по рассматриваемому вопросу в современной лингвистике существует две основные точки зрения. Согласно первой из них, элементы смысловой структуры предложения необходимо характеризовать в субъектно-объектной терминологии, а согласно второй, — в терминах семантических ролей. Как и большинство лингвистов, занимающихся изучением семантической структуры предложения, мы придерживаемся второй точки зрения. При этом считаем необходимым и возможным пользоваться при изучении семантической структуры простого предложения карачаево-балкарского языка терминами «субъект», «объект», «предикат» (сделаю предварительно необходимые оговорки относительно их понимания), «орудийность», «адресатность» и т. д.

Эти термины и обозначаемые ими понятия выработаны на основе изучения лексико-семантического выражения формальных компонентов структуры предложения и получили широкое распространение в языкознании, в том числе в тюркологии¹⁸⁰. С этим нельзя не считаться. Возможность такого использования данной терминологии вынуждены признавать даже и те лингвисты, по мнению которых, можно было бы обойтись без терминов «субъект», «объект», и т. д.¹⁸¹. По сути дела термины, которыми пользуются они, обозначают разновидности субъекта, объекта и т. д. Например, у В. В. Богданова объектив, перцептив, пациентив являются ничем иным, как разновидностями (подкатегориями) объекта, поэтому они им определяются как объекты¹⁸².

¹⁸⁰ А. В. Супрун. Грамматика и семантика предложения. М., «Наука», 1977; Н. Ю. Шведсва. Место семантики в описательной грамматике. В кн. «Грамматическое описание славянских языков». М., 1974 и т. д.

¹⁸¹ В. В. Богданов. Ук. соч., стр. 117.

¹⁸² См.: В. В. Богданов. Ук. соч., стр. 52—55.

2. Формирование семантических компонентов и их система

При изучении глубинной структуры предложения возникает вопрос о том, каким должен быть набор семантических компонентов (ролей). Анализ имеющейся специальной литературы показывает, что в современной лингвистике пока нет какой-либо обоснованной универсальной системы семантических компонентов. Как показано Н. Д. Арутюновой¹⁸³, это в полной мере относится и к работам самого Ч. Филлмора. В различных его трудах набор семантических падежей является различным.

Как мы видели выше, рассматривая вопрос об интерпретации семантической структуры предложения в различных лингвистических теориях, состав семантических функций существенно отличается в концепциях различных авторов. Так, в работах В. В. Богданова¹⁸⁴ приводится четырнадцать семантических функций. В работах В. Г. Гака дается семь «реальных актангов»¹⁸⁵. Восемь семантических функций и релятем описывает И. П. Сусов¹⁸⁶. Для описания семантической структуры трехчленных конструкций русского языка И. В. Альтман использует шестичленную систему семантических функций, которая уже применялась в практике работы сектора структурной лингвистики Института русского языка АН СССР¹⁸⁷. Т. Б. Алисова приводит четырнадцать семантических функций, передаваемых определенными формальными средствами¹⁸⁸. У. Чейф пишет о необходимости выделения семи семантических отношений¹⁸⁹. В последних работах Ч. Филлмора предлагается следующий набор семантических падежей: агент, субъект восприятия, адресат, инструмент, объект, источник, цель, место, время¹⁹⁰.

¹⁸³ Н. Д. Арутюнова. Ук. соч., стр. 117 и след.

¹⁸⁴ В. В. Богданов. Ук. соч., стр. 52—55.

¹⁸⁵ В. Г. Гак. К проблеме синтаксической семантики. В кн. «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969, стр. 80—81.

¹⁸⁶ И. П. Сусов. Семантическая структура предложения. Тула, 1973, стр. 35.

¹⁸⁷ И. В. Альтман. Исследование семантики трехчленных конструкций. «Проблемы структурной лингвистики, 1976». Изд-во «Наука», М., 1978, стр. 218—221.

¹⁸⁸ Т. Б. Алисова. Структура простого предложения в современном итальянском языке. Авт. докт. дисс. Изд-во МГУ, 1971.

¹⁸⁹ У. Чейф. Значение и структура языка. М., 1975.

¹⁹⁰ В. Б. Касевич. Элементы общей лингвистики. Изд-во «Наука», М., 1977, стр. 121.

Ю. Д. Апресян описывает двадцать пять «семантических валентностей»¹⁹¹. Он считает, что представленный им список валентностей является неполным и что их число должно быть увеличено, чтобы с их помощью можно было надежно описывать глубинную структуру предложения. Однако и в других своих работах, опубликованных позже, Ю. Д. Апресян пользуется тем же набором семантических функций¹⁹². В лингвистической литературе описаны и такие концепции, согласно которым необходимо выделить еще большее количество семантических функций. Так, Н. Н. Леонтьева описывает пятьдесят «семантических отношений»¹⁹³. Своеобразную систему компонентов семантической структуры предложения предлагает Н. Н. Арват. По ее мнению, набор семантических компонентов предложения включает предикат, субъект, объект, атрибут и конкретизатор действия или состояния. Каждый из этих семантических компонентов представляет собою определенную систему подкатегорий, внутри которых существуют свои разновидности. Например, в систему семантического субъекта входят: субъект существования, наличия, бытия, субъект несуществования, или отсутствия, субъект состояния, субъект восприятия, субъект отношения и т. д.¹⁹⁴.

Почему в концепциях различных авторов разное количество семантических функций? Сопоставление этих концепций показывает, что наличие вышеуказанных расхождений объясняется объективными причинами. Во-первых, одними авторами выделяются и описываются такие семантические функции, какие не выделены и не описаны другими. Во-вторых, не все факты языка одинаково истолковываются лингвистами. Например, в системе Ч. Филлмора в роли агенса может выступать только слово, обладающее признаком одушевленности: Окъуучу китап окъуйду.— «Ученик читает книгу». Однако в работах И. П. Сусова и У. Чейфа такая функция приписывается и таким словам, как келиу «приход» дауур «шум», келген «пришедший» и т. д., т. е. так называемым предикантным словам. Например, слово дауур «шум» в предложении Дауур сабийни юятды.— «Шум

¹⁹¹ Ю. Д. Апресян. К построению языка для описания синтаксических свойств слова «Проблемы структурной лингвистики, 1972», Изд-во «Наука», М., 1973, стр. 285—286.

¹⁹² Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синомимические средства языка. Изд-во «Наука», М., 1974, стр. 125—126.

¹⁹³ Н. Н. Леонтьева. Создание информационного языка на базе семантического анализа текста. НТИ, 1971, № 8, стр. 8—15, сер. 2.

¹⁹⁴ Н. Н. Арват. Ук. соч., стр. 12—16.

разбудил ребенка» этими исследователями рассматривается как агент, а другими, например, В. В. Богдановым, — как причина¹⁹⁸. В-третьих, некоторые лингвисты (а их большинство) выделяют единый локатив, служащий обобщенным выражением всех пространственных отношений, другие же дают более дробную систему локативных значений (значения места, конечной точки, начальной точки, маршрута и т. д.). Дроблению подвергаются и другие семантические функции. К этому мероприятию прибегают все лингвисты, но степень дробности семантических функций у различных авторов разная. Так, в работах некоторых синтаксисов дается следующая система объектных значений: объект воздействия, адресат, инструмент, орудие, а у других еще результатив, средство, объект, находящийся в некотором физиологическом или психическом состоянии и т. д. Такие расхождения наблюдаются при рассмотрении и других семантических функций. Все это влияет на число и характер выделяемых и описываемых лингвистами семантических функций. Системы Н. Н. Арват, Н. Н. Леонтьевой и Ю. Д. Апресяна содержат большее число функций, потому что эти функции в них более дробны, чем в системах других лингвистов.

Есть ли необходимость в дроблении семантических функций? На наш взгляд, ответ на этот вопрос должен быть положительным. Семантические модели предложения противопоставляются друг другу по составу семантических функций. Ср., например, предложения: 1) Расул китап окъуйду.— «Расул читает книгу». 2) Расул балта бла отун жарады.— «Расул колет дрова топором». 3) Расул манга китап жиберди.— «Расул прислал мне книгу» и т. д. Недостаточно ограничиться указанием на то, что первое из этих предложений состоит из подлежащего, сказуемого и прямого дополнения, а второе и третье предложения кроме главных членов предложения и прямого дополнения в свой состав включают еще и по одному косвенному дополнению. Такая характеристика предложения, присущая традиционной тюркологии, не затрагивает вопроса о семантической структуре синтаксических конструкций вообще и о классификации глубинных структур в частности.

Семантическая структура второго предложения отличается от семантической структуры первого предложения тем, что в нем кроме субъекта действия, объекта действия и предиката

¹⁹⁸ В. В. Богданов. Концепция глубинной структуры в современной лингвистической семантике. В сб. «Вопросы лингвистической семантики». Тула, 1975, стр. 7—12.

имеется еще один семантический элемент — орудийный объект. А смысл второго предложения отличается от смысла третьего предложения тем, что в первом из них кроме отмеченных компонентов содержится орудийный объект, а во втором — объект-адресат. Если мы объединим в одном члене предложения значение орудия и значение адресата, то не будет возможности рассматривать второе и третье предложения как отличающиеся друг от друга семантические модели предложения. Подобные факты говорят о необходимости стремиться выделить все семантические падежи.

Интересно отметить, что, касаясь вопроса членов предложения, В. Н. Мигирин подчеркивает, что для выделения и классификации членов предложения «необходимо учитывать две стороны грамматической абстракции в членах предложения: грамматически выраженную специфику явления и грамматически выраженную специфику связи»¹⁹⁶. Исходя из этого принципа, он приходит к выводу о том, что в результате логического исчисления традиционных членов предложения в каждом из них искусственно объединяются несколько членов предложения. Например, по его мнению, «на месте логически понимаемого дополнения можно выделить ряд грамматически самостоятельных членов: 1) объект — предмет, 2) объект—процесс, 3) орудие—предмет, 4) предмет—производитель процесса в страдательных конструкциях, 5) сравниваемый предмет, 6) предмет по отношению к выделенной части и др.»¹⁹⁷. Точно также рассматриваются В. Н. Мигириным и все другие традиционные члены предложения. «Как наречие оказалось свалочным местом для ряда категорий слов, так и обстоятельство оказывается свалочным местом для ряда самостоятельных членов предложения,— пишет он.— Поэтому вместо обстоятельства мы предпочитаем говорить о членах предложения, выражающих 1) причину, 2) место, 3) цель, 4) время, 5) уступительность, 6) результат, 7) степень и т. п.»¹⁹⁸. Как видим, все те понятия, которые многими лингвистами называются семантическими функциями, В. Н. Мигирин рассматривает как самостоятельные члены предложения. Положительно оценивая требование установить все многообразие значений, выражаемых членами предложения, как компонентами поверхностной структуры предложения, мы, одна-

¹⁹⁶ В. Н. Мигирин. Язык как система категорий отображения. Кишинев, 1973, стр. 107—108.

¹⁹⁷ Там же, стр. 108.

¹⁹⁸ Там же, стр. 109.

ко, не можем присоединиться к точке зрения, допускающей возможность отказаться от общепринятого понимания семантических компонентов (или функций) предложения. Внешнее сходство компонентов семантической структуры предложения с традиционными членами предложения не должно приводить к мысли об их прямолинейной соотносительности. Между данными понятиями существуют принципиальные внутренние различия. Семантические компоненты (функции) — это единицы семантической структуры предложения, а члены предложения — это единицы грамматической структуры предложения. Известно, что между семантической структурой и грамматической структурой предложения существуют сложные отношения, регулируемые взаимоотношением формы и содержания. Возможны случаи совпадения членов предложения и компонентов семантической структуры предложения. Но такое явление далеко не всегда имеет место. В отличие от членов предложения, в роли которых выступают формы слов, семантические компоненты выражаются и морфемами из состава словоформ, выступающих в роли членов предложения. В результате этого какой-либо один член предложения может быть выразителем нескольких компонентов семантической структуры предложения. «Особенность языковой коммуникации заключается в том, что не все содержание мысли находит воплощение в особых языковых элементах (в самостоятельных членах предложения.— И. А.), а наряду с эксплицитными способами выражения существует область имплицитной передачи информации»¹⁹⁹. Асимметрический дуализм в соотношении синтаксических и семантических компонентов проявляется в том, что между ними нет взаимоднозначного соответствия. Отсутствие такого соответствия объясняется не только тем, что тот или иной член предложения не всегда может быть выразителем одного и того же семантического компонента, но и тем, что им одновременно могут быть выражены несколько семантических компонентов. В зависимости от того, выразителем какого количества семантических компонентов являются, члены предложения могут быть разделены на две группы: 1) члены предложения, являющиеся выразителями одного семантического компонента и 2) члены предложения, являющиеся выразителями двух и более семантических компонентов. Члены предложения первой группы можно назвать моноэлементными, а члены предложения второй группы — полиэле-

¹⁹⁹ Е. И. Шендельс. Имплицитность в грамматике. В сб. «Проблемы синтаксической семантики. Материалы научной конференции». М., 1976, стр. 263.

ментными. Полиэлементными являются члены предложения, выраженные словами, имеющими в своем составе такие аффиксы, которые, подобно отдельным словам, способны выражать различные понятийные категории. К таким аффиксам в карачаево-балкарском языке относятся, в первую очередь, лично-предикативные аффиксы, аффиксы принадлежности, различные падежные аффиксы, аффикс — даггы/-деги²⁰⁰.

Проблема изоморфизма морфологической структуры слова и словосочетания отмечалась исследователями различных языков. Данный вопрос на материале тюркских языков рассмотрен Н. А. Баскаковым, который отмечает, «что структура слова, включающая корневую морфему и морфемы аффиксальные, как в формальном, так и в семантическом и синтаксическом планах изоморфна структуре словосочетания, а в некоторых редких случаях и предложения»²⁰¹.

Как и любая структура, семантическая структура предложения — это определенная целостность с сетью внутренних зависимостей и отношений между ее элементами²⁰². Поэтому для раскрытия специфики семантической структуры предложения необходимо определить специфику ее элементов, их организацию и характер взаимосвязи. А для этого важно знать, как формируются эти элементы. Формирование как самой семантической структуры предложения, так и ее составных элементов — процесс сложный. Как мы уже отметили выше, соответственно тому, как понимается смысл предложения, по-разному понимается лингвистами и то, как это содержание возникает. По мнению тех лингвистов, которые содержательную сторону предложения рассматривают как смысловой комплекс, обусловленный взаимодействием его составных компонентов, являющихся обобщенными и типизированными знаками явлений и предметов внеязыковой действительности²⁰³, смысл предложения возникает при наполнении синтаксических позиций лексическим материа-

²⁰⁰ Подробнее см.: *И. Х. Ахматов*. Соотношение между формальной структурой и семантикой односоставного предложения в карачаево-балкарском языке. СТ, 1978, № 5.

²⁰¹ *Н. А. Баскаков*. Изоморфизм структуры слова и словосочетания в тюркских языках. «Тюркологический сборник», 1974, Изд-во «Наука», М., 1978, стр. 46.

²⁰² *Ю. С. Степанов*. Основы языкознания. М., 1966, стр. 117—119.

²⁰³ *Т. П. Ломтев*. Вопросы выбора глагола. В сб. «Проблемы двуязычия и многоязычия». М., 1972; *Н. Ю. Шведова*. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения. «Славянское языкознание. Доклады советской делегации на седьмом Международном съезде славистов». М., 1973.

лом и в результате взаимодействия лексической и синтаксической семантики компонентов²⁰⁴. Другая группа лингвистов содержит другую сторону предложения рассматривает как такое сложное явление, в котором разграничивается несколько уровней, допускающих в свою очередь различные планы изучения. По мнению этих лингвистов, семантическая структура предложения возникает в результате разнопланового взаимодействия знаковой функции целого предложения и знаковых функций его лексических компонентов и формальных черт²⁰⁵.

В предлагаемой работе в качестве исходного принимается положение о том, что определяющую роль в формировании семантического компонента играют 1) специфика синтаксической позиции («места») компонента предложения, 2) категориально-лексическое наполнение этой позиции и 3) взаимодействие лексической и синтаксической семантики.

Взаимодействие лексического и синтаксического значений явление сложное. Его сложность обусловлена спецификой данных значений и их соотношений. Данные типы значений характеризуются разной степенью устойчивости и самостоятельности. Лексическое значение является постоянным, а синтаксическое значение — изменчивым²⁰⁶. Ср.: Алайда эки юй шиедидиле.— «Там стоят два дома». Ала алайда энгда эки юй шиедидиле.— «Они там построили еще два дома». Ала юйде кьалгьандыла.— «Они остались дома». Ала юйден кетгендидиле.— «Они ушли из дома». Ала юйню юсюнден селешедидиле.— «Они говорят о доме».

В отличие от лексического значения слова, которое является самостоятельным, его синтаксическое значение несамостоятельно. В зависимости от лексического значения главного слова синтаксическое значение одной и той же словоформы может быть различным. Ср.: 1) Кьурулушчула жолну ишледидиле.— «Строители отремонтировали дорогу». 2) Кьурулушчула жолу барандыла.— «Строители идут по дороге»²⁰⁷. Форма винительного падежа в первом предложении связана с глаголом ишле «отремонтировать», а во втором предложении — с глаголом бар «идти», поэтому в первом случае ею выражен объект воздействия, а

²⁰⁴ Р. А. Будагов. К теории синтаксических отношений. ВЯ, 1973, № 1.

²⁰⁵ И. П. Сусов. Ук. соч.; Г. Г. Поенцов. Три уровня семантической структуры предложения. «Математическая лингвистика», вып. 1. Киев, 1973; Е. В. Падучева. Ук. соч.

²⁰⁶ О. С. Ахманова, Г. Б. Микаэля. Современные синтаксические теории. Изд-во МГУ, 1963, стр. 130—154; В. В. Буракова. Основы структуры словосочетания в современном английском языке. Изд-во ЛГУ, Л., 1975, стр. 20—49.

²⁰⁷ Грамматика карачаево-балкарского языка. Пальчик, 1976, стр. 455.

во втором — конкретизатор, обозначающий путь движения. Такие факты показывают, что явления объективной действительности и их связи находят свое выражение в разных сочетаниях частей речи в их разных формах. Однако то, какие явления природы выражены теми или иными формами слов, устанавливается только в том случае, когда эти формы рассматриваются не отдельно, а в их отношении с теми словоформами из состава предложения, с которыми они связаны. Например, невозможно установить значения словоформ «китап», «тау» и «китапны», «таушу», если их рассматривать вне предложения, без учета их связи с другими членами предложения. Ср. предложения: 1) Бу китап аламатды.— «Эта книга чудесная. Тау агъаргъанды.— «Гора побелела». 2) Сен китап жазгъанса.— «Ты написал книгу». Биз, былайдап къарап тау кёребиз.— «Мы отсюда видим гору». 3) Класда шолукъну китап чапыракъланы тауушлары бузатдыла.— «Тишину в классе нарушает шорох листьев книг».

Как видим, слова «китап» и «тау» в зависимости от того, с каким членом предложения связаны, выступают то в роли подлежащего (в 1-м случае, являясь формой основного падежа), то в роли прямого дополнения (во 2-м случае, являясь формой винительного неформленного падежа), то в роли определения (в 3-м случае, являясь формой родительного падежа). А аффиксом -ны/-ни оформляется как винительный, так и родительный падеж, разграничение которых также возможно только с учетом их связи с контекстом.

Для определения специфики семантического компонента необходимо учитывать не только специфику связей, но и специфику связанных явлений²⁰⁸.

Например, следующие предложения отличаются друг от друга по характеру связанных в них явлений: 1) Аслан ишлейди (предмет и процесс). — «Аслан работает». 2) Аслан жашды (предмет и признак). — «Аслан молод». 3) Ишлепген кыйынды (процесс и признак). — «Работать трудно».

Взаимодействие лексического и синтаксического значения компонента предложения имеет несколько видов. В одних случаях эти значения совпадают, и можно говорить об их гармоническом слиянии, в результате чего формируется семантический компонент. «В тех случаях, когда «показания» взаимодействующих синтаксических, морфологических и лексических признаков совпадают, возникают типичные «классические члены предложе-

²⁰⁸ В. Н. Мигирин. Ук. соч., стр. 100—110.

ния». В тех же случаях, когда они противоречат друг другу, создаются случаи менее ясные, сочетающие черты различных членов предложения»²⁰⁹. Как известно, в языке для каждой части речи характерно ее употребление в функции какого-либо члена предложения, выражающего ту или иную семантическую функцию. Например, существительное обычно употребляется в функции подлежащего или дополнения, глагол — в функции сказуемого и т. д. Отсюда обычно делается вывод о том, что за каждой частью речи в языке закрепляется основная синтаксическая функция, а все другие функции являются вторичными, второстепенными²¹⁰. Исходя из данного положения, проф. У. Б. Алиев средства выражения компонентов предложения в карачаево-балкарском языке делит на специализированные и неспециализированные²¹¹.

Как уже отмечалось выше, разными лингвистами на материале различных языков выделено и описано различное количество семантических компонентов. Инвентарь семантических компонентов и их разновидностей в языке представляет собой закрытый список. Однако такого полного списка пока еще никто не представил в распоряжение читателя. Предлагаемая ниже система также не претендует на полноту охвата всех категорий и подкатегорий семантических компонентов. В ней приводятся лишь основные семантические функции и их разновидности. Данный перечень будет дополняться в процессе выявления и описания структурно-семантических типов моделей простого предложения.

Семантический предикат и его разновидности. Как справедливо отмечает большинство лингвистов, ведущим компонентом семантической структуры предложения является предикат. Важнейшей особенностью предикатного знака является его способность взаимодействовать с определенным числом непредикатных знаков. Приписывая те или иные свойства непредикатным знакам или устанавливая отношения между ними, предикатный знак тем самым выполняет организующую функцию в предикатном выражении, в существенной степени определяя его структуру. Именно поэтому имеются все основания счи-

²⁰⁹ О. С. Ахманова, Г. Б. Микаэлян. Ук. соч., стр. 154.

²¹⁰ Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 61.

²¹¹ У. Б. Алиев. Главные члены предложения в карачаево-балкарском языке... В сб. «В помощь учителю балкарского языка», вып. 4, Нальчик, 1962.

тать его подлинным центром предикатного выражения²¹². На основании свойства предикатной лексемы взаимодействовать с некоторым числом аргументов многие лингвисты выделяют нуль—местные (авалентные), одноместные (моновалентные) и многоместные (поливалентные) предикаты. Положение о том, что предикат определяет структуру предложения, в последнее время активно разрабатывается. Оно легло в основу ряда исследований, в которых описываются предложения с глаголами того или иного семантического класса²¹³.

Рассматривая данный вопрос на материале разных языков, исследователи отмечают, что нуль — местные предикаты описывают атмосферные состояния, одноместные предикаты выражают действия, состояния, свойства, а многоместные предикаты кроме всего этого еще могут выражать отношения.

Следует отметить, что возможность существования в языке нуль — местных предикатов не все лингвисты признают. Так, С. Д. Кацнельсон пишет: «Предикатов с нулевой валентностью, совершенно не имеющих аргументов, в сущности не бывает. Словесные предикаты с нулевой валентностью, как светает, гремит, морозно, ветрено и т. п. на деле предикатами не являются, так как предикат — соотносительное понятие, необходимо предполагающее один или несколько аргументов... Языковые предикаты с нулевой валентностью, как светает, ветрено и т. д. лишь называют событие, не расчлняя его»²¹⁴.

При описании семантической структуры предложения некоторые лингвисты основываются на системе общепризнанных исходных семантических классов глаголов, разграничивающих действия, состояния, свойства и отношения, а другие, совершенно не обращая внимания на смысловые качества предикатных лексем, опираются на их валентностные свойства²¹⁵. В лингвистической литературе описаны попытки разработать более подробной классификации предикатов, преимущественно глаголов.

²¹² В. В. Богданов. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977, стр. 39.

²¹³ См.: Т. П. Ломтев. Принципы построения формулы предложения. ФН, 1969, № 5; И. С. Рахмашингулова. О моделях предложений, образуемых одной семантической группой глаголов. ИЯШ, 1968, № 6; Л. А. Дубровская. Структура предложения как выражение структуры предиката с донативными отношениями. В кн. «Проблемы структуры слова и предложения». Пермь, 1974, и др.

²¹⁴ С. Д. Кацнельсон. О категории субъекта предложения. В сб. «Универсалии и типологические исследования». М., 1974, стр. 107.

²¹⁵ И. В. Альтман. Ук. соч., стр. 219—229.

Можно указать, например, на работы Ш. Балли²¹⁶, Т. Б. Алисовой²¹⁷, У. Чейфа²¹⁸, Г. Г. Сильницкого²¹⁹, Ю. Д. Апресяна²²⁰, М. Коспартовой²²¹, Н. Д. Арутюновой²²² и др.

Ш. Балли при классификации семантических предикатов одновременно опирается на логические и дистрибутивные основания и выделяет три общих семантических класса предикатов: 1) предикаты присущности, 2) предикаты соотносительности, 3) предикаты каузации. Предикаты первой группы моновалентны. Они выражают абсолютный признак предмета. Предикаты второй группы бивалентны, а предикаты каузации подразделяются на три подгруппы: предикаты каузации бытия (бивалентные), предикаты каузации абсолютного признака (бивалентные), предикаты каузации соотношения (тривалентные).

Е. Кржижкова выделяет шесть типов глагола: 1) глаголы с нулевой интенцией: Смеркается; 2) глаголы, предполагающие наличие активного актанта: Дети играют; 3) глаголы, нуждающиеся в наличии активного актанта и актанта, в той или иной мере затрагиваемого действием: Отец пишет письмо; 4) глаголы, предполагающие, кроме активного независимого актанта, еще наличие двух затрагиваемых действием актантов: Бабушка подарила внучке альбом; 5) глаголы без независимого актанта, но с необходимым указанием на актанта неактивного: Меня тошнит и 6) глаголы с двумя неактивными актантами: Ей недоставало Андрея²²³.

Опираясь на концепцию Ш. Балли, Т. Б. Алисова вводит для выделенных им классов предикатов такие дополнительные дифференциальные признаки, как: 1) расчлененность—нерасчлененность понятий о субстанции и о ее признаке, 2) абсолютность—относительность, 3) статичность—динамичность, 4) активность—неактивность, 5) локальность—нелокальность контакта.

²¹⁶ Ш. Балли. Обшая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, стр. 121—125.

²¹⁷ Т. Б. Алисова. Ук. соч., стр. 37—38.

²¹⁸ У. Чейф. Ук. соч.

²¹⁹ Г. Г. Сильницкий. Ук. соч., стр. 373 и след.

²²⁰ Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование русского глагола. М., 1967.

²²¹ М. Коспартова. Семантический анализ качественных наречий. «Изв. на института на български език», 1972, кн. XXI, стр. 151—157.

²²² Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. Авт. докт. дисс. М., 1975, стр. 9 и след.

²²³ Е. Кржижкова. Дистинктивные семантические признаки и структура предложения. В кн. «Грамматическое описание славянских языков». М., 1974.

и на основе учета их она создает свою классификацию предикатов, состоящую из девяти типов ²²⁴.

Как мы уже отмечали выше, У. Чейф. выделяет следующие типы глагольных значений: состояния, процессы действия, глобальные типы предикатов: акциональные, процессуальные состояния, глобальные действия, процессы действия ²²⁵.

Фр. Данеш среди семантических типов глаголов выделяет две группы: 1) статические «ситуационные» и 2) динамические процессуальные и бытийные. Для каждой из этих групп глаголов характерна способность выражать определенные отношения и свой субъект—«процессор», «агенс», «носитель действия».

Предложенные вышеуказанными и другими лингвистами классификации предикатов «чрезвычайно интересны, но имеют различные основания деления, часто несопоставимы друг с другом. Поэтому опираться на них трудно» ²²⁶, — подчеркивает В. В. Богданов, и считает, что разумнее основываться на системе общепризнанных исходных классов, разграничивающих действия, состояния, свойства и отношения.

Однако сравнивая существующие по данному вопросу точки зрения лингвистов, можно видеть, что многие из них при классификации предикатов опираются на семантические основания деления. Поскольку при раскрытии сущности семантических компонентов мы также опираемся на разнообразие лексического наполнения синтаксической позиции, в приводимой ниже классификации разновидностей семантического предиката в карачаево-балкарском языке также учитываются классы лексических значений слов, наполняющих позицию сказуемого. Валентные свойства предикатов нами также используются при установлении моделей синтаксических структур.

В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, сказуемую позицию могут занимать не только глаголы, но почти все части речи. Имена и все другие субстантивно употребленные слова в данной позиции встречаются в формах основного и всех косвенных падежей, поэтому предикат характеризуется большим многообразием значений. Он обозначает активный или статальный признак, который является реальной основой предложения и относится либо к предмету, либо к ситуации. Ср.: Сабий ойнайды.— «Ребенок играет». Сабий жукь-лапды.— «Ребенок спит». Мында игиди.— «Здесь хорошо».

²²⁴ Т. Б. Алисова. Ук. соч., стр. 37—38.

²²⁵ У. Чейф. Ук. соч., стр. 114—138.

²²⁶ В. В. Богданов. Ук. соч., стр. 51.

Предлагаемая нами система предиката, полученная методом обследования многочисленных текстов на карачаево-балкарском языке, включает в себя следующие разновидности предиката: 1) предикат действия: Къурулушчула юй ишлейдиле:— «Строители строят дом»; 2) Предикат движения. Ала юйге барадыла.— «Они идут домой»; 3) предикат восприятия: Ол сени кёреди.— «Он видит тебя»; 4) предикат речи: Ол аны санга айтады.— «Он это говорит тебе»; 5) предикат мышления: Он сени юсюнгден сагъыш этеди.— «Он думает о тебе»; 6) предикат состояния: Ол аурупду.— «Он болен»; 7) предикат процесса: Жел урады, жауун жауады.— «Дует ветер, идет дождь», 8) предикат бытия, существования: Ол анда турады.— «Он живет там»; 9) предикат наличия: Аны китабы барды.— «У него есть книга»; 10) предикат отсутствия: Анда киши жокъду. «Там никого нет»; 11) предикат принадлежности, обладания: Ол китап меникиди.— «Эта книга моя»; 12) предикат отношения: Ол сени сюеди.— «Он любит тебя; 13) предикат квалификации: Ол бригадирди.— «Он является бригадиром»; 14) предикат местонахождения или локализации: Ол андады.— «Он там»; 15) предикат детерминации: Ол къартды.— «Он стар»; 16) предикат идентификации: Ол менме.— «Это я»; 17) предикат, обозначающий материал, вещество: Стол агъачданды.— «Стол (сделан) из дерева»; 18) предикат предназначения: Бу сангады.— «Это тебе»; 19) предикат сравнения: Бу саничады.— «Этот таков же, каков и ты»; 20) предикат цели: Бизни муратыбыз иги окъургъады.— «Наша цель — это хорошо учиться» и др.

Данный перечень можно было продолжить, однако и без этого достаточно видно, что предикаты как по своему значению, так и по своим валентным свойствам чрезвычайно многообразны. Следует подчеркнуть, что некоторые из приведенных здесь предикатов могут рассматриваться как инварианты, имеющие несколько вариантов, отличающихся различными семантическими наслоениями, оттенками, что можно попытаться показать при анализе фактического материала.

Здесь же ограничимся лишь указанием на то, что дальнейшее дробление этих предикатов возможно на основании различных признаков. Л. Н. Мурзин пишет: «Классы предикатов делятся на подклассы, соответствующие семантическим классам глаголов»²²⁷. Однако не все предикаты выражаются глаголами, во-вторых, глаголы, входящие в один и тот же семантический

²²⁷ Л. Н. Мурзин. Ук. соч., стр. 62.

класс, могут отличаться друг от друга по своим валентным свойствам и в результате этого «создавать» различные по грамматической и семантической структуре предложения. На структуру предложения оказывают влияние и другие характеристики глаголов, входящих в тот или иной семантический класс. Например, как справедливо отмечают И. З. Гаджиева и А. А. Коклянова, «выделяясь по своей семантике из общей массы глаголов, глаголы речи в свою очередь подразделяются на ряд семантических группировок»²²⁸. Эти глаголы, хотя и обозначают одно и то же понятие, «называют речевое действие дифференцированно; одни из них определяют характер или способ речи, другие называют объект речи с акцентуацией на форму высказывания»²²⁹.

Семантический субъект и его разновидности. Как известно, в тюркологических исследованиях субъект обычно рассматривается как предмет, признак которого определяется сказуемым²³⁰. А во многих исследованиях по синтаксической семантике благодаря учета различных предикатных признаков, выражаемых сказуемым и приписываемых субъекту, последний понимается шире. О нем говорят как о производителе действия, как о носителе ситуации в целом, как о процессоре²³¹. Однако системы субъекта в этих работах отличны друг от друга, потому что выделенные в них системы предикатов также отличаются друг от друга²³².

У других исследователей, не пользующихся субъектно-объектной терминологией, также выделяется различное количество разновидностей субъекта. Например, у В. В. Богданова их три: 1) агентив — одушевленный производитель действия, 2) экспериментив — одушевленный аргумент, находящийся в некотором физиологическом или психическом состоянии, выражаемом предикатом, 3) элементив — неодушевленный (обычно природный, стихийный) производитель действия²³³.

²²⁸ И. З. Гаджиева, А. А. Коклянова. Глаголы речи в тюркских языках В кн. «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 322.

²²⁹ Там же.

²³⁰ См.: Грамматика хакасского языка. Под ред. проф. Н. А. Баскакова. «Наука», М., 1975, стр. 289; Грамматика азербайджанского языка. Под ред. М. Ш. Ширалиева и Э. В. Севортяна. Изд-во «ЭЛМ», Баку, стр. 265.

²³¹ См. работы Н. Ю. Шведовой, Ф. Данеша.

²³² Ср., например, систему субъекта в вышеуказанных работах Т. Б. Алисовой, Н. Ю. Шведовой, Н. Н. Арват.

²³³ В. В. Богданов. Ук. соч., стр. 52—53.

У В. Г. Гака система субъекта представлена производителем действия, носителем состояния и отправителем²³⁴.

Факты карачаево-балкарского языка показывают, что при рассмотрении вопроса о системе субъекта должны быть учтены следующие основные факторы. 1) лексико-семантическое выражение субъекта, 2) семантическая специфика предиката, 3) характер смысловой связи между предикатом и субъектом.

Этими факторами обуславливается специфика синтаксического, следовательно, и семантического строения предложения. В роли выразителей субъекта практически могут выступать все части речи: существительные, местоимения, числительные, прилагательные, причастия, имена действия, различные словосочетания и даже неизменяемые части речи, когда они употребляются субстантивно. В результате этого субъект, как и предикат, характеризуется многообразием значений. Субъект выражает не только какой-либо предмет или лицо, как это обычно утверждается в грамматиках тюркских языков, но и многие другие значения и оттенки значений. Ср.: Аслан келди.— «Аслан пришел». Къыш келди.— «Зима пришла». Ишлегеи насыпды.— «Работать — счастье». Сен менден таматаса.— «Ты старше меня». Беш ючден келдю.— «Пять больше трех». Мында къой келдю.— «Здесь овец много» и т. п.

Такие факты показывают, что в формировании семантической структуры предложения сложнейшим образом взаимодействуют предикаты, обладающие неисчерпаемым многообразием значений, с субъектами, характеризующимися таким же разнообразием значений. Субъекты являются носителями различных активных и стальных предикативных признаков (действие, состояние, качество, порядок и т. п.), передаваемых лексемой, находящейся в предложении в оказуемой позиции.

Система субъекта в карачаево-балкарском языке включает в себя следующие его основные разновидности: 1) субъект действия, 2) субъект движения, 3) субъект восприятия, 4) субъект речи, 5) субъект мышления, 6) субъект состояния, 7) субъект существования, бытия, наличия, 8) субъект отсутствия, 9) субъект принадлежности, 10) субъект отношения, 11) субъект квалификации, 12) субъект местонахождения, 13) субъект причины, 14) субъект идентификации, 15) субъект включения, 16) субъект количественный, 17) субъект признака, 18) субъект

²³⁴ В. Г. Гак. Проблемы лексико-грамматической организации предложения (на материале французского языка в сопоставлении с русским). Т. II. Двсс. на соискание уч. степени доктора филол. наук. М., 1967, стр. 613.

процесса, 19) субъект вынужденного действия, 20) субъект некоторого физиологического или психического состояния и др.

Семантическая категория субъекта на основании других признаков может подвергаться дальнейшему подразделению. Так, в зависимости от лексико-семантического наполнения субъектной позиции в субъекте разграничиваются: 1) личный субъект, 2) предметный субъект. Семантическая подкатегория личного субъекта на основании уже другого признака содержит дальнейшее подразделение на определенное, неопределенное и обобщенное лицо.

В зависимости от характера языковых средств, выражающих субъекты, последние могут быть подразделены на: 1) лексически выраженные, 2) морфологически выраженные. Лексически выраженные субъекты по форме средств своего выражения бывают двух типов: 1) прямой субъект — субъект, выраженный формой основного падежа, и 2) косвенный субъект. Такая классификация субъекта имеет большое значение для разграничения структурных типов предложения (см. ниже).

Семантический объект и его разновидности. Семантический объект также является одним из важных компонентов семантической структуры предложения, который обозначает предмет, при помощи посредничестве, участия и т. д. которого проявляется предикативный признак субъекта. Характер объекта определяется как семантической спецификой предиката, так и собственным лексико-семантическим выражением. Какой же из этих факторов является определяющим? Факты карачаево-балкарского языка показывают, что определяющим является первый фактор. Семантика различных словоформ, взятых в отрыве от господствующих над ними слов, бывает неясна. Например, значения отдельно взятых словоформ юден, жашындай, этден, агъачдан и т. п. весьма неопределенны и расплывчаты. В предложении же они приобретают необходимую ясность. Ср.: Ол агъачдан чыкъды. — «Он вышел из леса». Ол агъачдан этилгенди. — «Это сделано из дерева». Ол агъачдан тыюдью. — «Он сошел из бревна». Он агъачдан къатыды. — «Это крепче дерева». Ол агъачдан умут этеди. — «Он надеется получить часть древесины». Ол агъачдан къууанганды. — «Он обрадован древесиной» и т. п. Как видим, семантика объектной лексемы заключается в ее указании на все то, что входит в разнообразные смысловые отношения со значением слова, занимающего предикатную позицию. Характер данных отношений становится ясным только из сочетания данной лексемы со сказуемой словоформой. Общее значение объектных лексем объединяет разные отно-

шения. Характерной особенностью этого значения является то, что оно несамостоятельно.

Перечислим основные виды семантического объекта, выделенные на основе фактов карачаево-балкарского языка: 1) объект воздействия: Аслан машинаны бугъанды.— «Аслан испортил машину»; 2) объект активного действия или контрагент: Вьетнам душмандан къоруланады.— «Вьетам защищается от врага»; 3) объект совместного действия или совместности: Халил Фатима бла ишлейди.— «Халил работает вместе с Фатимой»; 4) объект пассивного действия: Бичен чалыннганды.— «Сено скошено»; 5) объект-мотивировка: Ол кеснини батырлыгъы ючюн саугъаланнганды. — «Он награжден за свою храбрость»; 6) объект—адресат: Ол китап несине жиберилгенди. — «Та книга послана хозяину»; 7) объект-получатель, объект, в чью пользу или в ущерб кому совершается действие: Мухадинге машина алдыла.— «Мухадину купили машину»; 8) объект физиологического или психического состояния: Мырзабек къарындашын къууандырды.— «Мырзабек обрадовал своего брата», 9) объект сравнения: Харун Хасандан таматады.— «Харун старше Хасана»; 10) объект части: Студентле кабинетдеги китапладан да окъуйдула.— «Студенты берут и из имеющихся в кабинете книг и читают»; 11) объект материала. Териден топ тигедиле.— «Из кожи шьют шубу»; 12) объект-причина: Атасы жашына къууанады.— «Отец рад своему сыну». Къойчу кюню бузулгъанына жарсыйды.— «Чабан обеспокоен тем, что погода испортилась»; 13) объект доверия или надежды: Биз анга ишанабыз. — «Мы надеемся на него». Биз Асландан умут этебиз.— «Мы надеемся на Аслана»; 14) объект начала или источника действия: Туйюш оюндан башланады.— «Драка начинается с игры. Оюндан от чыгъар (послов.). — «От игры разгорается пламя»; 15) объект-преграда: Къагъытдан суу ётдю.— «Сквозь бумаги прошла влага»; 16) объект локализованный: Аслан атдан жыгъылды. — «Аслан упал с лошади». Китап сенде къалгъанды.— «Книга осталась у тебя»; 17) объект делиберативный: Аслан бизни шуёхлугъубуздан жырлайды.— «Аслан пост о нашей дружбе»; 18) объект эрудийный: Отушну балта бла жарадыла.— «Дрова колят топором»; 19) объект средства действия или воздействия: Аслан юсюн жамычы бла жапды.— «Аслан укрылся буркой». Аны иги дарман бла багъадыла.— «Его лечат хорошим лекарством»; 20) объект-название, прозвище, кличка: Анга Аслан атадыла.— «Его называли Асланом»; 21) объект целенаправленных устремлений: Ол жарыкълыкъгъа итинеди.— «Он стремится к свету»; 22) объект отношения:

Мен аны бек жаратама. — «Он мне очень нравится»; 23) объект восприятия: Сен аны эшитесе. — «Ты это слышишь». Ол сени кёреди. — «Он видит тебя»; 24) объект-результатив: Сени ананг жаш тапханды. — «Твоя мать родила сына»; Къурулушчула юй ишледиле. — «Строители построили дом». 25) объект склонности: Сен чалгыгыга устаса. — «Ты мастер косить»; 26) объект избирания, назначения: Сени депутатха айырдыла. — «Тебя избрали депутатом»; 27) объект уподобления: Ол санга ушайды. — «Он похож на тебя»; 28) объект наполнения: Машокну ундаи толтурдула. — «Мешок наполнили мукой»; 29) объект-посредник: Мен китапны аппагъа сенден жиберген эдим. — «Я передавал книгу дедушке через тебя» и др.

Как и субъект, объект в зависимости от своего лексико-семантического выражения бывает личным и предметным. Различие между личными и предметными объектами заключается в том, что первые из них обладают собственным поведением, а вторые — нет. Это онтологическое различие должно быть учтено при описании семантической структуры предложения. Личный субъект, например, может быть источником своего действия, тогда как предметный субъект не обладает таким свойством.

Семантический конкретизатор, как и семантический объект, является зависимым компонентом семантической структуры предложения, но в отличие от него обозначает различные сопутствующие предикативному признаку характеристики. Такие характеристики отличаются большим многообразием. В работах различных исследователей выделяется разное количество типов конкретизатора. В работах по синтаксису тюркских языков обычно выделяется от пяти до семи видов конкретизаторов. Например, акад. А. Н. Кононов выделяет конкретизаторы образа действия, места, времени, цели, причины, меры и степени, условия и обстоятельство уступительное²³⁵. А. С. Сафаев включает в этот перечень еще и обстоятельство уподобления²³⁶. В работах по синтаксису других языков выделяется большее количество видов конкретизатора. Например, М. Ф. Исмагуллаев в таджикском языке находит тринадцать видов обстоятельств²³⁷, а В. Н. Никитин в русском языке выделяет двадцать шесть типов обстоятельств²³⁸.

²³⁵ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 360.

²³⁶ А. С. Сафаев. Второстепенные члены предложения в современном узбекском языке. Авт. докт. дисс. Ташкент, 1969, стр. 37.

²³⁷ М. Ф. Исмагуллаев. Обстоятельство и его виды в современном таджикском языке. Авт. докт. дисс. Душанбе, 1971, стр. 11.

В. В. Богданов считает, что для описания синтаксической структуры предложения достаточно использовать обстоятельство места (локатив)²³⁹, а Н. Н. Арват для этой цели использует конкретизаторы уступки, цели, следствия, места, времени и т. д.²⁴⁰. Также поступает и Х. К. Рятсеп для описания структурно-семантических типов простого предложения эстонского языка²⁴¹. В нашей классификации система конкретизатора представляет собою следующее: 1) конкретизатор локальный, ср.: Мында иссиди.— «Здесь жарко»; Ол шахарда жашайды.— «Он живет в городе»; 2) конкретизатор темпоральный: Биз кюндюз ишлейбиз.— «Мы работаем днем»; 3) конкретизатор причины: Ала кьууангандан кюледиле.— «Они смеются от радости»; 4) конкретизатор цели: Биз бери окьургга келгенбиз.— «Мы приехали сюда учиться»; 5) конкретизатор состояния субъекта: Хасан жолну узуну жукьлап келеди.— «Хасан всю дорогу спит и едет»; 6) конкретизатор функции: Хасан уллу кьуллукьда ишлейди.— «Хасан работает на большой должности»; 7) конкретизатор образа действия: Хасан алай ишлейди.— «Хасан работает так»; 8) конкретизатор меры и степени: Кёп кёрген кёп билир (посл.).— «Кто видел больше, тот и знает больше»; 9) конкретизатор условия: Сиз хьуда биз угьай демек.— «При вашем согласии мы не откажем»; 10) конкретизатор уступки: Лйтханлыгыьыма кетип кьалгьанса.— «Несмотря на то, что я говорил, ты ушел»; 11) конкретизатор порядка: Мен бери биринчи болуп келгенме.— «Я пришел сюда первым»; 12) конкретизатор ситуации: Ол жарлылыкьда ёсгенди.— «Он вырос в нужде» и др.

Некоторые из этих конкретизаторов имеют подкатегории. Например, в локальном конкретизаторе выделяются следующие разновидности: 1) начальный пункт, 2) места направления, 3) маршрут, 4) конечная точка и др. В темпоральном конкретизаторе выделяются: 1) начальный момент действия, 2) конечный момент действия, 3) период действия. В конкретизаторе образа действия можно выделить: 1) конкретизатор состояния: Кьойла рахат отлайдыла.— «Овцы пасутся спокойно»; 2) конкретизатор качества: Азиз иги окьуйду.— «Азиз учится

²³⁸ В. Н. Никитин. Обстоятельство как второстепенный член предложения в русском языке в его противопоставлении дополнению. «Уч. записки Рязанского ГПИ», т. 27, 1961.

²³⁹ В. В. Богданов. Ук. соч., стр. 51.

²⁴⁰ Н. Н. Арват. Ук. соч., стр. 15—16.

²⁴¹ Х. К. Рятсеп. Структура простого предложения в эстонском языке. Авт. докт. дисс. Тарту, 1974, стр. 18—19.

хорошо»; 3) конкретизатор совместности: Биз экибиз бирге жашайбыз.— «Мы с тобой живем вместе»; 4) конкретизатор одиочества: Мен жангызлай турама.— «Я живу один» и др.

Семантический атрибут. Как известно, большинство исследователей не включает данный компонент в число семантических ролей. При этом они исходят из того, что, по их мнению, семантический атрибут, не может быть компонентом семантической структуры предложения. Верно ли это? В карачаево-балкарском языке встречаются предложения, в которых атрибут невозможно опустить без ущерба для его смысла. Такие предложения имеются и в других языках. Например, Н. М. Александров, говоря об этом, из русского языка приводит такие примеры: Бешеные собаки опасны. Незрелые фрукты вредны²⁴². Мы здесь ограничимся указанием на то, что семантический атрибут является таким зависимым компонентом семантической структуры предложения, который обозначает непредикативный признак понятия, функционирующего как семантический объект, субъект или конкретизатор. В его систему входят: 1) атрибут качественный: Аман кбатын кёпге жатар (К. Мечнев).— «Плохая женщина лежит долго». Билимсиз адамын насыбы болмайды.— «У не имеющего знания человека счастья не бывает». Арыгъан атха къамичи жюкдю (посл.).— «Для уставшей лошади и плеть является грузом»; 2) количественный атрибут: Звенода он адам ишлейдиле.— «В звене работают десять человек»; 3) атрибут относительный: Жюи кёлекле сатыладыла.— «Продаются шерстяные сорочки»; 4) атрибут притяжательный: Хасан сизни шахарыгъызда жашайды.— «Хасан живет в вашем городе»; 5) атрибут локальный: Андагъы кьойла колхознудула.— «Тамошние овцы принадлежат колхозу»; 6) атрибут темпоральный: Мен тюненеги атны сайларыкъма.— «Я выберу вчерашнюю лошадь»; 7) атрибут процессуальный: Ишлеген адам тишлер.— «Кто работает, тот ест».

Большинство из этих категорий атрибута имеет свои подкатегории. Например, в относительном атрибуте выделяются: 1) атрибут, обозначающий материал или вещество, из которого состоит предмет, 2) атрибут, указывающий на назначение предмета; 3) атрибут, обозначающий объем, меру предмета и т. и.

²⁴² Н. М. Александров. Проблема второстепенных членов предложения в русском языке. «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 236, Л., 1963, стр. 343. И. П. Сусов отмечает, что такие атрибуты имеют различные значения и могут разветвляться в придаточные предложения. См.: И. П. Сусов. Семантическая структура предложения. Тула, 1973, стр. 69; Какие из видов семантических компонентов являются обязательными элементами СемС, мы покажем при анализе фактического материала.

Из вышеизложенного видно, что для определения сущности семантического компонента необходимо учитывать следующие его основные характеристики: 1) семантический компонент — это элемент семантической структуры предложения; 2) он возникает в результате взаимодействия лексической и синтаксической семантики слов в предложении; 3) по типу средств своего выражения семантические компоненты бывают двух видов: а) лексически выраженные и б) морфологически выраженные; лексические средства (элементы синтаксической структуры предложения) в зависимости от того, какое количество семантических компонентов в них обобщено, также бывают двух типов: моноэлементные и полиэлементные; 4) семантический компонент отражает какое-либо явление объективной действительности, представленное как обобщенный тип множества аналогичных единичных явлений. Поэтому семантические компоненты структуры предложения характеризуются чрезвычайным разнообразием. Каждый из этих семантических категорий имеет свои подкатегории, которые в свою очередь на основании тех или иных признаков также могут быть подразделены на подклассы.

Понимание компонента семантической структуры предложения как элемента, возникающего в результате взаимодействия лексической и синтаксической семантики и служащего обобщенным и абстрагированным знаком элемента отображаемой ситуации, отражает диалектический подход к данной категории. Об этом свидетельствует то, что семантический компонент рассматривается в данном случае как продукт взаимодействия его составляющих сторон, а именно лексической и синтаксической семантики, он наделяется обобщающим и абстрагирующим свойством, отражая одновременно и отдельное и общее.

Об этом свидетельствует и то, что такое понимание семантического компонента позволяет подходить к нему с позиций взаимосвязи языка с мышлением и действительностью.

Семантическая структура предложения и ее строение

Как показал приведенный выше обзор существующих точек зрения, исследователи различных направлений по-разному подходят к трактовке понятия о семантической структуре предложения. Как и другие советские лингвисты, мы считаем необходимым рассматривать семантическую структуру предложения в единстве денотативного и синтаксического значений, что показывает связь предложения как языкового знака с действительностью и мышлением.

Предложение является сложным предикативным языковым знаком, имеющим план выражения и план содержания. Содержание предложения представляет собой ненаблюдаемый объект, т. е. оно дано уму, а не органам чувств, способным воспринимать только экспонент, т. е. материальную сторону знака.

Как признают все ученые, этот ненаблюдаемый объект имеет сложную организацию. Об этом говорят и сами термины, используемые в новейшем языкознании для обозначения смысла предложения: «глубинная структура», «семантическая структура», «лежащая в основе структура», «предикативное выражение» и т. д. Основная задача семантического анализа предложения заключается в установлении того, каким образом организована семантическая структура предложения. Однако в силу многих объективных причин решить эту задачу трудно. Поэтому в предыдущем разделе своей работы мы прибегнули к логическому приему-анализу, представляющему собой метод исследования, состоящего в том, что изучаемый предмет (предложение) расчленяется на составные элементы (семантические компоненты), каждый из которых затем исследуется в отдельности как часть расчлененного целого (семантической структуры предложения), для того, чтобы выделенные в ходе анализа элементы потом соединить с помощью другого логического приема — синтеза. Знание частей предмета еще не есть знание о предмете. Как и любой предмет, семантическая структура предложения не является простой суммой частей. В процессе синтезирования мы познаем нечто новое: взаимодействие частей как целого. Взаимодействие семантических компонентов создает семантическую структуру предложения.

Об этом так или иначе говорят многие лингвисты, занимающиеся проблематикой семантической организации предложения. Так, Б. Ю. Городецкий подчеркивает, что планы содержания языка (его семантическая структура) — это совокупность тех структурных элементов, из которых и в соответствии с которыми строится содержание речевых отрезков. Эти элементы бывают двух типов: семантические единицы и семантические отношения²⁴³. Л. Ельмслев определяет структуру как «автономную сущность с внутренними зависимостями»²⁴⁴. Н. Ю. Шведова пишет, что семантическая структура — это система отношений

²⁴³ Б. Ю. Городецкий. К проблеме семантической типологии. Изд-во МГУ 1969, стр. 131.

²⁴⁴ Л. Ельмслев. Можно ли считать, что значения слова образуют структуру. «Новое в лингвистике», т. II, М., 1962, стр. 122.

отвлеченных элементов смысла²⁴⁵. Не возражая против такого понимания данного понятия, мы принимаем следующее определение семантической структуры предложения: семантическая структура предложения — это организованное и передаваемое на предикативной основе информативное содержание, представляющее собою результат сложного взаимодействия семантических компонентов и отражающее взаимосвязь отвлеченных элементов внеязыковой действительности.

В формировании семантической структуры предложения сложнейшим образом взаимодействуют семантические компоненты. Семантическая структура характеризуется иерархической организацией. Это лингвистами было замечено давно. В традиционной грамматике деление членов предложения на главные и второстепенные как раз обосновано на признании этого обстоятельства. Несмотря на это, вопрос о том, какой из компонентов предложения какую роль играет в построении предложения, как в традиционной грамматике, так и в новейшей лингвистике до сих пор остается спорным. Тем не менее решение данного вопроса имеет большое значение для структурно-семантической классификации моделей предложения, поэтому необходимо коротко остановиться на нем.

Анализ литературы показывает, что в большинстве синтаксических исследований подлежащее и сказуемое рассматриваются как главные члены предложения, поясняемые второстепенными членами предложения. При этом обычно подчеркивается, что дополнение и обстоятельство подчиняются сказуемому, определение — подлежащему, дополнению и именному сказуемому, сказуемое — подлежащему. Таким образом, подлежащее рассматривается как единственный независимый член предложения. К. М. Мусаев считает, что оно подчиняет себе все члены предложения — одни из них — непосредственно, другие — опосредованно. «Непосредственно подчиняются подлежащему сказуемое и определение. Через посредство сказуемого оказываются подчиненными подлежащему дополнения и обстоятельства», — пишет он²⁴⁶. Некоторые лингвисты говорят, что самым главным членом предложения, управляющим всеми членами предложения, в том числе и подлежащим, является сказуемое²⁴⁷. Такая

²⁴⁵ Н. Ю. Шведова. Место семантики в описательной грамматике. «Грамматическое описание славянских языков». М., 1974, стр. 113.

²⁴⁶ К. М. Мусаев. Строй карайского языка. Авт. док. дис. Баку, 1968, стр. 27.

²⁴⁷ Г. Алпаров. Сайланма хазметлар. Казань, 1945, стр. 120.

точка зрения, по-видимому, берет свое начало из истории русского языкознания. В 60—70-х гг. было распространено мнение, согласно которому подлежащее может выражаться не только формой именительного падежа, но и формами косвенных падежей, в связи с чем считалось необходимым отнести его в разряд второстепенных членов предложения, а именно к дополнениям²⁴⁸. Против такого мнения выступают многие исследователи. Например, М. Б. Балакаев пишет: «Отдельные ученые, как, например, Ж. Дени, увлекаясь описанием многообразия функций сказуемого, готовы зачислить подлежащее в категорию второстепенных членов. Согласиться с этим нельзя, ибо функции и значение сказуемого в предложении определяются его отношением к подлежащему. Следовательно, сказуемое, как подчиненный подлежащему член предложения, выражает действие, состояние и другие предметно-качественные его характеристики»²⁴⁹. По мнению М. Б. Балакаева, с логической точки зрения самым важным и организующим звеном предложения является подлежащее, а с точки зрения грамматики, синтаксические функции сказуемого гораздо обширнее, чем у подлежащего, поэтому оно «выступает самым главным конструктивным центром предложения»²⁵⁰. Касаясь данного вопроса, М. З. Закиев пишет, что «правильнее будет сказать: самыми главными и решающими членами предложения являются подлежащее и сказуемое»²⁵¹.

Н. А. Баскаков указывает, что в сказуемом каракалпакского предложения концентрируются элементы всех остальных членов предложения, в одном слове минди выражена целая мысль «он сел на что-то»²⁵². В одной из своих очень интересных работ Н. З. Гаджиева показывает, что «грамматическое выражение сказуемого определяет тип предложения — именной или глагольной», что проблема генезиса структуры тюркского предложения неразрывно связана с природой сказуемого²⁵³.

Выделение подлежащего и сказуемого как компонентов, со-

²⁴⁸ И. И. Дмитриев. Практические заметки о русском синтаксисе. «Филологические записки», 1877, вып. III, стр. 1—15.

²⁴⁹ М. Б. Балакаев. Ук. соч., стр. 121.

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ М. З. Закиев. Сказуемое в современном татарском литературном языке. Авт. канд. дисс., Казань, 1954, стр. 6.

²⁵² Н. А. Баскаков. Простое предложение в каракалпакском языке. В кн. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. III. Синтаксис. М., изд-во АН СССР, 1961, стр. 61.

²⁵³ Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. Изд-во «Наука», М., 1973, стр. 155 и след.

ставляющих предикативное ядро предложения, базируется на соотношении предложения с двучленным суждением. Следует отметить, что не только тюркологи, но и другие ученые отмечают чрезвычайно важную роль сказуемого в организации предложения. Так, например, О. Есперсен по этому поводу пишет: «Глагол дает жизнь предложению и поэтому очень важен для построения предложения»²⁵⁴. Как самый необходимый в структурном отношении компонент предложения рассматривает данный член предложения и В. Г. Адмони²⁵⁵. А. Мейе считает, что глагол является единственным существенным и постоянным элементом предложения²⁵⁶. По мнению Е. Куриловича, подлежащее и сказуемое являются такими компонентами предложения, которые взаимно управляют друг другом²⁵⁷.

Вышеизложенное показывает, что при рассмотрении вопроса об иерархической организации предложения ученые исходят из разных оснований: одни из них учитывают тип грамматической связи между членами предложения, другие — роль члена предложения в построении предложения, третьи — и те и другие признаки и т. д. В результате этого сложилось несколько противоречивых мнений, суть которых сводится к следующему. 1) вершину иерархии образуют подлежащее и сказуемое, 2) в качестве главного члена предложения (ядра) должно рассматриваться только сказуемое, 3) вершиной иерархии отношений является подлежащее²⁵⁸.

Данные мнения сложились в традиционной грамматике.

Как же решается рассматриваемый вопрос в исследованиях, посвященных семантическому анализу предложения? В этих исследованиях наибольшее распространение получила вторая точка зрения. Обычно считают, что эта концепция выдвинута Л. Теньером, в работах которого подлежащее рассматривается как такое же дополнение, как и все другие именные компоненты предложения. Однако, как видно из вышеизложенного, в концепции Л. Теньера много общего с концепциями лингвистов, работающих в рамках традиционной грамматики. Это служит основанием для утверждения о том, что концепция Л. Теньера

²⁵⁴ О. Есперсен. *Философия грамматики*. М., 1958, стр. 95.

²⁵⁵ В. Г. Адмони. *Исторический синтаксис немецкого языка*. М., 1963, стр. 24.

²⁵⁶ А. Мейе. *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*. М., 1938, стр. 360.

²⁵⁷ Е. Курилович. *Очерки по лингвистике*. М., 1962, стр. 48.

²⁵⁸ См.: Н. Д. Арутюнова. *Вариации на тему предложения. «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения»*. М., 1969, стр. 40.

«является экспликацией некоторых идей, так или иначе высказанных представителями традиционного направления»²⁵⁹ и соотносится с логической концепцией, рассматривающей суждение как многоместный предикат. При исследовании семантической структуры предложения большинство лингвистов опирается на эту концепцию, поэтому в их работах считается, что смысл предложения складывается из характеристики предиката по его обобщенному значению и характеристики аргументов по их смысловому отношению к предикату²⁶⁰. Все аргументы осмысливаются как равноправные относительно друг друга элементы, одинаково участвующие в создании семантической структуры предложения.

Как справедливо отмечает В. А. Белошапкина, «вместе с тем есть попытки осмыслить соотношение предметных имен иерархически. С этим связано выдвижение категории семантического субъекта. Существо этой идеи состоит в следующем: семантика предложения организуется таким образом, что один из предметов, участников события, именуемого предложением, выделяется, получая функцию «протагониста сообщения», носителя предикативного признака, становясь «исходной позицией» при определении мест предметов; все же остальные (если они есть, разумеется) получают функцию распространителей предиката»²⁶¹. Предикат, как «определяющий», «конституирующий»²⁶² компонент, выражает действие, состояние и другие признаки субъекта. Его значение в подавляющем большинстве случаев ориентировано на субъект, который передается в предложении лексическими или морфологическими средствами или теми и другими одновременно. Как указывает Н. З. Гаджиева, в тюркском предложении одни из этих средств (лексические или морфологические) могут быть опущены. Ср.: Мен жазыучума.— «Я писатель». Мен — жазыучу.— «Я писатель». Жазыучума.— «Я писатель»²⁶³. Но оба из этих средств одновременно не могут быть опущены, потому что это приведет к разрушению предложения. Это говорит о том, что предикат и субъект — соотносительные понятия. Отсюда некоторыми учеными делается вывод

²⁵⁹ И. Б. Долинина. Системный анализ предложения (на материале английского языка). М., «Высшая школа», 1977, стр. 78.

²⁶⁰ О. И. Москальская. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974, стр. 83.

²⁶¹ В. А. Белошапкина. Ук. соч., стр. 129.

²⁶² Э. Р. Тенишев. Строй саларского языка. Изд-во «Наука», М., 1976, стр. 209.

²⁶³ Н. З. Гаджиева. Ук. соч., стр. 156 и след.

о том, что «предикат никогда не выражает отношения в чистом виде»²⁶⁴. «Словесные предикаты с нулевой валентностью, как светает, гремит, морозно, ветрено и т. п. на деле предикатами не являются, так как предикат — это относительное понятие, необходимо предполагающее один или несколько аргументов... Мыслительное отображение события предполагает либо глобальное его выделение посредством названия, либо же расчленение события на предикат и его аргументы. Языковые предикаты с нулевой валентностью... лишь называют событие, не расчленяя его»²⁶⁵, — подчеркивает С. Д. Кацнельсон. А в предложениях с многоместным предикатом субъект всегда противостоит остальным аргументам (комплементарам), «он как бы главенствует над ними, и как правило, предшествует им», «он притягивает к себе словесный предикат»²⁶⁶.

Учитывая вышеуказанные мнения исследователей и исходя из фактов карачаево-балкарского языка, мы приходим к выводу о том, что синтаксико-семантический состав предложения в конечном счете в основном зависит от позиционно-проективных свойств предиката, поэтому исходным пунктом в развертывании состава предложения необходимо считать предикат. Говоря об этом И. П. Распопов совершенно справедливо указывает, что «только сказуемое... является своеобразным распределителем кредитов» для всех членов предложения, и именно оно подсказывает нам, по какому плану складывается и развертывается конструктивный состав предложения в целом»²⁶². Ср.: 1. Ол андан сени бла жаяулай келеди. — «Он идет оттуда вместе с тобой пешком». 2. Ол аны сенден алгъанды. — «Он это взял у тебя». 3. Ол сенден таматады. — «Он страше тебя». 4. Ол эки чакълыды. — «Это есть около двух». 5. Ол аныды. — «Это его» и т. п.

Во всех этих предложениях субъект выражен одним и тем же словом, несмотря на это, данные предложения отличаются друг от друга как в плане выражения, так и в плане содержания. Эти различия обусловлены различным характером их предикатов.

Перидакт может определить наличие или отсутствие субъек-

²⁶⁴ В. А. Белошанкова Ук. соч., стр. 129; С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 184

²⁶⁵ С. Д. Кацнельсон. О категории субъекта в предложении. В кн. «Универсалии и типологические исследования». М., 1974, стр. 107.

²⁶⁶ См. там же.

²⁶⁷ И. П. Распопов. Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973, стр. 73.

та в предложении. Например, в предложении Анда сууукъду. — «Там холодно» нет выраженного тем или иным средством субъекта, и признак, обозначающий предикатом, относится к ситуации. Ср. предложения. 1) Анга он жыл болады.— «Ему десять лет». 2. Китап хазыр болады.— «Книга подготавливается». Предикаты здесь выражены сочетанием имени с вспомогательным глаголом. Однако имена, входящие в состав этих сочетаний, отличаются друг от друга по своей семантике. По этой причине данные предложения отличаются друг от друга как по формальному строению, так и по смысловой структуре.

Н. А. Баскаков пишет, что «всем ясно, что парадигма спряжения глагола это — подбор небольших предложений, в которых подлежащие представлены в виде личных местоимений, а сказуемые — соответствующими личными спрягаемыми формами глагола или именами со связками»²⁶⁸. Действительно, предикатная лексема, снабженная лично-предикативными аффиксами 1-го или 2-го лица, всегда является предложением в миниатюре, синтаксически состоящим из одного сказуемого, выражающего своей структурой субъект (но не подлежащее) и предикат. В тех же случаях, когда эта лексема имеет нулевой аффикс лица, складывается иная картина. Такая лексема, взятая отдельно, в карачаево-балкарском языке осмысливается как неполное предложение с опущенным субъектом. Другие «места» такого предложения могут быть заполнены в соответствии и с учетом валентных свойств предиката. В зависимости от характера предиката, выраженного рассматриваемой лексемой, эти предложения могут быть различными по своей семантической структуре. Безличные предложения в карачаево-балкарском языке встречаются только среди этих конструкций: 1. Элге былайтын барылады.— «В село следует ехать так». 2. Мени жырларыгъым келеди.— «Мне хочется петь».

Таким образом, количество и качество компонентов предложения обуславливается и предопределяется предикатом. Организирующую роль относительно этих компонентов также играет предикат. Вторым по важности в построении семантической структуры предложения является субъект, третьим — объект, четвертым — конкретизатор, пятым — атрибут. Субъект присутствует в большинстве семантических предложений. О важности объекта для информативной достаточности предложения в лингвистической литературе говорят давно. Характерная осо-

²⁶⁸ Н. А. Баскаков, Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975, стр. 49.

бенность данной семантической категории проявляется в том, что предложения с предикатами, обладающими объектно-направленной содержательной валентностью, без нее не обладают информативной достаточностью, ср.: Хасан сюреди.— «Хасан гонит» и Хасан кьойланы сюреди.— «Хасан гонит овец».

Именно на основе этой особенности данного семантического компонента в лингвистической литературе высказывалось мнение о том, что прямое дополнение необходимо включать в состав главных членов предложения²⁶⁹. Для определенных типов предложений конкретизатор также является необходимым семантическим компонентом. Ср.: Хасан турады.— «Хасан находится» и Хасан мында турады.— «Хасан находится здесь».

Как известно, в отличие от других семантических компонентов, атрибут не имеет непосредственной связи с предикатом, он связывается с объектом, субъектом или с другим атрибутом, поэтому не все исследователи рассматривают его в ряду семантических компонентов. Как отмечалось выше, некоторые из них предлагают рассматривать атрибут не в составе предложения, а за его рамками, т. е. в составе атрибутивных словосочетаний. Однако иногда данный семантический компонент выступает в качестве элемента смысловой структуры предложения, которого нельзя опустить. Ср.: Мени китабым сендеди.— «Моя книга у тебя». Китабым сендеди.— «(Моя) книга у тебя». В первом из этих предложений атрибут выражен лексически и морфологически, во втором — только морфологически. Опускание лексического средства его выражения приводит только к изменению синтаксической структуры предложения, а семантическая структура его при этом остается неизменной. Опускание морфологического средства выражения атрибута невозможно, поэтому конструкция Китабым сендеди может рассматриваться как самостоятельный семантический тип предложения, в составе которого имеется и атрибут.

Исходя из вышеизложенного, предикат и субъект условно можно назвать главными, объект и конкретизатор — второстепенными, а атрибут — третьестепенным компонентом семантической структуры предложения.

Между семантическими компонентами устанавливаются следующие основные виды семантических отношений: предикация,

²⁶⁹ См.: В. Г. Адмони. Типология предложений. В кн. «Исследования по общей теории грамматики». М., «Наука», 1968.

дополнительность, конкретизация, атрибуция²⁷⁰. Содержательная сущность компонентов смысловой структуры предложения проявляется в этих отношениях. В лингвистической литературе мы встречаемся с трактовкой семантической структуры предложения как набора семантических компонентов или как совокупности элементарных смыслов. Однако навряд ли можно считать полным такое определение смысловой структуры предложения. Дело в том, что специфика семантической структуры определяется не только набором своих компонентов, но и их отношениями, взаимосвязью. «Каждый предмет обладает бесчисленным множеством свойств. Проявляются свойства в процессе взаимодействия предметов, но подчеркнем, проявляются, но не появляются. На этот счет имеется совершенно ясное замечание К. Маркса, высказанное им в «Капитале»: «Свойства данной вещи не возникает из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении...»²⁷¹. Поэтому для определения семантической структуры предложения недостаточно установление семантического качества ее компонентов, необходимо определить еще и характер смысловых отношений между ними. «Любая синтаксическая структура характеризуется не только наличием связей между элементами, но и характером этих связей». — пишет Г. А. Золотова, касаясь вопроса о структурно-семантической классификации предложения²⁷².

Отношения между семантическими компонентами устанавливаются на основе синтаксической и смысловой связи, отражающей отношения между фактами объективной действительности²⁷³. Ср.: 1) Мени окъуругъум жокъду. — «Я не буду читать» и 2) Мени окъуругъум жокъду. — «У меня ничего нет почитать».

Эти предложения имеют одинаковую материальную оболочку, но разную синтаксическую и семантическую структуру. Учет отношений между семантическими компонентами особенно важен при анализе таких омонимичных конструкций.

Специфика каждой семантической структуры, определяемая

²⁷⁰ Ср.: А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 174—179; А. М. Мухин. Л. В. Шероа и проблемы синтаксиса. ФН, 1967, № 1; О. С. Ахманова и др. Синтаксис как диалектическое единство: коллигации и коллокации. М., 1969, стр. 16—20 и др.

²⁷¹ Н. И. Кондаков. Ук. соч., стр. 457.

²⁷² Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., «Наука», 1973, стр. 14.

²⁷³ Л. Д. Чеснокова. О синтаксических единицах и синтаксических отношениях. В сб. «Вопросы синтаксиса русского языка». Тамбов, 1973, стр. 8—9.

семантическим качеством ее компонентов и отношениями между ними, показывает, к какому семантическому типу отнести анализируемое предложение. Например, предложения Аслан ар-базъга кирди (С. Ш.). — «Аслан вошел во двор», Жаш кызъга къарайды (Ком. жол.). — «Юноша смотрит на девушку», Мухтар китабын Харундан санга жибергенди.— «Мухтар передал свою книгу через Харуна тебе» на указанном основании могут быть отнесены к разным семантическим типам (моделям) предложения.

В семантической структуре предложения его смысл представляется в расчлененном виде, что выражается в компонентном перечне. Например, семантическая структура предложения Мени аны кѳреме.— «Я вижу его» состоит из субъекта восприятия, объекта восприятия и предиката восприятия, а семантическая структура предложений Ол аурунду.— «Он болен», Ол жатылды.— «Он лежит» — из субъекта состояния и предиката состояния. Семантическая структура предложения Анда сууукъду.— «Там холодно» включает в себя бессубъектный статальный предикат и локальный конкретизатор.

Если смысл предложения в его семантической структуре представляется в расчлененном виде, то в общей семантике предложения он передается целостью. Например, общая семантика последнего из только что приведенных предложений показывает наличие определенного состояния, локализованного в пространстве, как признак бессубъектной ситуации. Общая семантика предложения, в формировании которой решающее значение имеет направленность и характер отношений между компонентами, показывает обобщенную информативную сущность предложения. Ее диалектический характер выражается в том, что в ней отражается взаимосвязь между компонентами семантической структуры предложения. Общая семантика предложения показывает, что смысл предложения представляет собою не сумму смыслов компонентов, а качественно новый смысл, возникающий в результате взаимодействия этих компонентов. Ср. предложения: Мени китабым барды.— «У меня имеется книга» и Мени саулугъум барды.— «Я здоров», которые в плане выражения идентичны, но отличаются в плане содержания. Семантическая структура первого предложения: субъект обладания — предмет наличия — предикат наличия. Его общая семантика: наличие у личного субъекта определенного предмета. Семантическая структура второго предложения: субъект состояния — предикат состояния. Его общая семантика: выражение состояния личного субъекта. Данная се-

мантика может быть выражена и предложением Мен саулукълума — «Я здоров», совершенно отличающимся от конструкции Мени саулугъум барды на поверхностном уровне.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Предложение является многоаспектным явлением. Одной из важнейших задач современной лингвистики является изучение предложения в структурно-семантическом аспекте. Синтаксическая семантика представляет собой учение об информативном содержании предложения: Значение изучения семантической структуры предложения велико. Это осознавалось, наверно, на всем протяжении развития научного познания языка. Однако синтаксическая семантика стала объектом специального изучения совсем недавно, потому что во многих лингвистических направлениях провозглашался лозунг, что для объективного постижения своего объекта лингвистика должна сосредоточить свое внимание только на формальном строении предложения, в методических целях игнорируя его значение. Однако развитие лингвистики за последние годы показало, что синтаксические исследования, проведенные без учета смысла предложения, малоэффективны. Признание этого привело к резкому возрастанию интереса к изучению вопросов, связанных с семантической структурой предложения, с взаимодействием и взаимопроникновением его формальной и смысловой сторон. За последние 10—15 лет появилось большое количество работ, в которых рассматриваются эти вопросы. Среди них интересные исследования Н. Д. Арутюновой, Т. П. Ломтева, В. Г. Гака, Н. Ю. Шведовой, В. В. Богданова, Н. Н. Арват, Т. Б. Алисовой, О. И. Москальской и других советских и зарубежных ученых.

Предложение является сложным языковым знаком, характеризующимся двусторонностью. Форма и содержание предложения представляют собою определенные структуры, которые не могут характеризоваться абсолютным параллелизмом. Полнота изучения предложения как предикативного языкового знака обуславливается тем, насколько полно учитываются его обе стороны: формальная и содержательная. Только исследование предложения в единстве формы и содержания может дать целостную картину, отражающую взаимодействие и взаимопроникновение обеих его сторон. «Форма существенна. Сущность сформирована так или иначе в зависимости от сущности»²⁷⁴.

²⁷⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 316.

Ведущим методологическим принципом, лежащим в основе структурно-семантического анализа предложения, должен быть принцип единства формы и содержания, являющихся диалектически связанными между собой явлениями. Этот принцип требует обязательного учета положения диалектического материализма об отношениях формы и содержания и об асимметричности языкового знака, о взаимосвязи языка с мышлением и действительностью и о специфичности знаковой природы предложения.

В отличие от слова, являющегося знаком какого-либо понятия или явления, предложение является знаком той или иной ситуации. Задача семантического анализа заключается в показе того, как организована семантическая структура предложения. Такая структура имеет сложную организацию. Сложным оказывается и процесс ее формирования, поэтому, исходя из марксистско-ленинского положения о том, что на определенной степени познания любого сложного явления становится необходимым раздвоение единого и познание противоречивых частей его с последующим установлением синтеза этих частей²⁷⁵, мы считаем, что не только возможен, но и необходим расчлененный подход к изучению формальной и содержательной структуры предложения и их компонентов.

Семантический компонент и семантическая структура — это понятия лингвистической абстракции, характеризующиеся диалектическим единством противоположностей: отдельного и общего. Первый из этих понятий является обобщенным и типизированным элементом семантической структуры предложения. Этот элемент формируется в результате взаимодействия его составляющих сторон: лексической и грамматической семантики. Ср.: Аслан анда к'ялгъанды. — «Аслан остался там» и Китап анда калгъанды. — «Книга осталась у него».

Такое понимание семантического компонента отражает диалектический подход к нему. Это проявляется не только в том, что семантический компонент рассматривается как продукт взаимодействия лексической и синтаксической семантики²⁷⁶, но и в том, что он наделяется обобщающим и абстрагирующим

²⁷⁵ См. там же. См. еще: БСЭ, т. 1, изд. 3-е, М., 1970, стр. 554.

²⁷⁶ В. М. Никитин. О соотношении и взаимодействии между лексическим и грамматическим значением слова в предложении. «Уч. записки Рязанского гос. пед. ин-та, т. 114. Вопросы грамматики и лексикологии русского языка». Рязань, 1972, стр. 4 и след.

своим и рассматривается с позиций взаимосвязи языка с мышлением и действительностью.

Систему семантических компонентов составляют предикат, субъект, объект, конкретизатор и атрибут со своими разновидностями. В зависимости от характера языковых средств своего выражения семантические компоненты бывают двух видов: 1) лексически выраженные и 2) морфологически выраженные. Для выражения некоторых семантических компонентов нередко одновременно используются как лексические, так и морфологические средства. Например, в двусоставных предложениях субъект выражается лексико-морфологически: Сен окъуйса.— «Ты учишься».

Традиционный анализ предложения по членам предложения опирается на смысл, несмотря на это, он не всегда совпадает с анализом предложения в терминах семантических компонентов.

Для описания семантической структуры предложения необходимо установить характер его компонентов и отношений между ними. Для определения характера семантического компонента необходимо исходить из учета характера синтаксической позиции и лексико-семантического наполнения данной позиции.

Семантические компоненты иногда характеризуются синкретичностью, т. е. совмещением качеств двух разных компонентов, в чем можно видеть одно из проявлений асимметричности языкового знака. Синкретичные семантические компоненты создаются в результате взаимодействия лексической и грамматической семантики, при котором лексическая семантика создает одни оттенки качества компонента, а грамматическая семантика формы — другие. Этому способствует и характер предиката. Рассматривая данный вопрос на материале конкретизатора, В. М. Никитин приходит к выводу о том, что в категории обстояательства можно отметить следующие случаи взаимодействия грамматического и лексического значения: 1) полная зависимость грамматического значения от лексического; 2) частичная зависимость; 3) противоречия между ними; 4) дифференцирующая роль лексического значения в атмосфере синтаксиса²⁷⁷. Правильность такого вывода полностью подтверждается фактами карачаево-балкарского языка. Ср.:

Мен аны	—	сенден —библиотекадан —ачюдан	—	алгъанма.
---------	---	-------------------------------------	---	-----------

²⁷⁷ В. М. Никитин. Ук. соч., стр. 18.

Я взял это —

	со зла
	у тебя
	в библиотеке

Смысловая структура предложения создается в результате взаимодействия семантических компонентов предложения. В понимании смысловой структуры предложения среди лингвистов нет единого мнения. Одни из них понимают ее уже, другие — шире. В первом случае задач лингвиста заключается в описании диктальных субъектно-предикатных отношений, а во втором — кроме того еще и модальных, суперсинтаксических отношений. Исходя из целей и задач своего исследования, что обусловлено ограниченностью объема нашей работы, выше мы не рассматривали вопросы, связанные с модальными отношениями в предложении.

Семантическая структура предложения организована иерархически, что определяется ролью входящих в его состав семантических компонентов. По признаку важности своей роли в построении смысловой структуры предложения семантические компоненты располагаются в следующем порядке: предикат — субъект — объект — конкретизатор — атрибут.

Можно сказать, что к настоящему времени в лингвистике сложились два типа описания синтаксической системы. Одни из них предполагают установление номинативного минимума предложения. Семантические структуры при этом выделяются не в границах структурных схем, а безотносительно к ним. Другой пытается установить конечный список структурных схем предложения, выделяет семантические структуры в границах общих грамматических значений структурных схем. В первом случае считается, что единицей моделирования является структура смысла предложения, а во втором случае в качестве исходной единицы при изучении семантической структуры предложения берется структурная схема с последующим изучением наполняющего данную схему лексического материала.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Полн. собр., соч., т. 18 М., 1961.

Ленин В. И. Философские тетради. Полн. собр. соч., т. 29.

Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Соч., т. 23. М., 1960

Абдуразаков М. А. Грамматическая структура простого предложения. Изд-во «Фан», Ташкент, 1978.

Абрамов Б. А. Синтаксические погешии глагола. ИДВШ ФН, 1966, № 3.

Абрамов Б. А. О понятии семантической избирательности слов. В сб. «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969.

Аветян Э. Г. Природа лингвистического знака. Ереван, 1968.

Адмони В. Г. Типология предложения и логико-грамматические типы предложения. ВЯ, 1973, № 2.

Адмони В. Г. Партитурное строение речевой цепи и система грамматических значений в предложении. ИДВШ ФН, 1961, № 3.

Адмони В. Г. Типология предложения. «Исследования по общей теории грамматики». М., «Наука», 1968.

Адмони В. Г. Содержательные и композиционные аспекты предложения. В сб. «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков». Л., «Наука», 1975.

Адмони В. Г. Синтаксическая семантика — это семантика синтаксических структур. В сб. «Проблемы синтаксической семантики. Материалы научной конференции». М., 1976.

Адмони В. Г. Аспекты предложения и система типов предложений. В сб. «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков». Л., 1971.

Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М.—Л., 1964.

Алиев У. Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., «Наука», 1972.

Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. Изд-во МГУ, 1971.

Алисова Т. Б. Структура простого предложения в современном итальянском языке. АДД, Изд-во МГУ, 1971.

Алисова Т. Б. Дополнительные отношения модуса и диктума. ВЯ, 1971, № 1.

- Алисова Т. Б.* Опыт семантико-грамматической классификации простых предложений. ВЯ, 1970, № 2.
- Альтман И. В.* Исследование семантики трехчленных конструкций. В кн. «Проблемы структурной лингвистики, 1976», Изд-во, «Наука», М., 1978.
- Андреев П. А.* Структура простого предложения современного чувашского языка. АДД, М., 1970.
- «Античные теории языка и стиля». М.—Л., Огиз, 1936.
- Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование русского глагола. М., 1967.
- Апресян Ю. Д.* Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики. В кн. «Проблемы структурной лингвистики». М., 1963.
- Апресян Ю. Д.* О сильном и слабом управлении. ВЯ, 1964, № 3.
- Апресян Ю. Д.* О некоторых дискуссионных вопросах теории семантики. ВЯ, 1971, № 1.
- Арват Н. Н.* Семантическая структура безличных предложений в современном русском литературном языке. АДД, М., 1976.
- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. АДД, М., 1975.
- Арутюнова Н. Д.* Предложения и его смысл. Логико-семантические проблемы. Изд-во «Наука», М., 1976.
- Арутюнова Н. Д.* Вариации на тему предложения. В кн. «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения», М., 1969.
- Арутюнова Н. Д.* Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора. ВЯ, 1973, № 1.
- Арутюнова Н. Д.* О доминативном аспекте предложения. ВЯ, 1971, № 6.
- Арутюнова Н. Д.* О номинативном и коммуникативном моделях предложения. «Известия ОЛЯ», 1972, № 1.
- Атаян Э. Р.* Понятие элементарной синтаксической структуры. Ереван, 1964.
- Ахманова О. С., Микаэлян П. Б.* Современные синтаксические теории. Изд-во МГУ, 1963.
- Балакаев М. Б.* Современный казахский язык. Синтаксис, Алма-Ата, 1959.
- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Барсова О. М.* Основные модели простого предложения «Уч. записки МПИ им. В. И. Ленина», № 210, М., 1964.
- Бархударов Л. С.* К вопросу об отношении формальных и семантических моделей предложения. В кн. «Теория языка.—Англистика.—Кельтология». М., 1976.
- Бархударов Л. С.* Глубинная структура предложения в семантическом аспекте. В кн. «Проблемы синтаксической семантики. Материалы научной конференции». М., 1976.
- Белецкий А. А.* Знаковая теория языка. В кн. «Теоретические проблемы современного советского языкознания». М., 1964.

Белошанкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис, Уч. пособие. М., 1977.

Блох М. Я. Проблема тождества предложения в свете соотношения понятий синтаксиса, семантики и информации. ВЯ, 1977, № 3.

Блох М. Я. Проблемы парадигматического синтаксиса. АДД. М., 1977.

Блох М. Я. К проблеме идентификации ядерных предложений. «Уч. зап. МГУ им. В. И. Ленина», т. 473. М., 1971.

Богданов В. В. Глубинные структуры и семантика. В кн. «Теория языка и инженерная лингвистика». Л., 1973.

Богданов В. В. Природа включенных предикатов. В кн. «Лингвистические исследования», вып. 1. Л., 1974.

Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Изд-во ЛГУ, 1977.

Бондарко А. В., Кодухов В. И. О новой модели описания грамматического строя русского языка. ВЯ, 1971, № 5.

Будагов Р. А. К теории синтаксических отношений. ВЯ, 1973, № 1.

Вайнрайх У. О семантической структуре языка. «Новое в лингвистике», вып. 5. М., 1970.

Вардуль И. Ф. О семантике и ее месте в лингвистическом описании. «Вопросы семантики. Тезисы докладов». М., 1971.

Вардуль И. Ф. Об изучении семантического аспекта языка. ВЯ, 1973, № 6.

Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи в современном русском языке. «Уч. зап. Башкирского ун-та», вып. 43. Серия филол. наук, № 16, Уфа, 1971.

Ветров А. А. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.

Волков А. Г. Язык как система знаков. Изд-во МГУ, 1966.

Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. Изд-во «Наука», М., 1973.

Гак В. Г. К проблеме соотношения языка и действительности. ВЯ, 1972, № 5.

Гак В. Г. Высказывание и ситуация. «Проблемы структурной лингвистики — 1972». М., 1973.

Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. В кн. «Семантическая структура слова». Изд-во «Наука», М., 1971.

Гак В. Г. О двух типах знаков в языке. «Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода», М., 1967.

Гак В. Г. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур) В сб. «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». Изд-во «Наука» М. 1969.

Гухлян М. М. О роли моделирования в лингвистике. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., 1970.

Долинина Н. Б. Системный анализ предложения. М., «Высшая школа», 1977.

Домбровский И. Знак и смысл. ВЯ. 1973, № 6.

Дорошевский В. Знак и означаемое (десигнат). ВЯ, 1963, № 5.

Жолковский А. К. Модель «смысл-текст». В кн. «Энциклопедия кибергетики», т. 2, Киев, 1974.

Жолковский А. К. О правилах семантического анализа. В кн. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 8, М., 1964.

Закиев М. З. Классификация частей речи и аффиксов в тюркских языках. СТ, 1973, № 3.

Закиев М. З. Синтаксический строй татарского языка. Изд-во Казанского ун-та, 1963.

Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. Изд-во МГУ, 1976.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

Золотова Г. А. О структуре простого предложения в русском языке. ВЯ, 1967, № 6.

Золотова Г. А. О регулярных реализациях моделей предложения. ВЯ, 1965, № 5.

Иванов С. Н. К истолкованию категории принадлежности. СТ, 1973, № 1.

Иванов С. Н. Очерки по синтаксису узбекского языка. Изд-во. ЛГУ, 1959.

Исмагуллаев М. Ф. Обстоятельство и его виды в современном таджикском языке. АДД, Душанбе, 1971.

Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. В кн. «В. А. Звегинцев. История языкознания 19—20 вв. в очерках и извлечениях», ч. II, М., 1965.

Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. Изд-во, «Наука», М., 1977.

Кацнельсон С. Д. О категории субъекта предложения. В кн. «Универсалии и типологические исследования». М., 1974.

Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

Кодухов В. И. Методы лингвистического анализа. Л., 1963.

Кодухов В. И. О двух основных аспектах предложения. В сб. «Теоретические проблемы синтаксиса индоевропейских языков». Л., 1975.

Колшанский Г. В. Логика и структура языка. М., 1970.

Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1970.

Кононов А. П. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.

Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960.

Курилович Е. Очерки по лингвистике, М., 1962.

Къарачай-малкъар тилини грамматикасы. Нальчик, 1966.

Ломтев Т. П. О некоторых вопросах структуры предложения. ИДВШ ИФ, 1959, № 4.

Ломтев Т. П. Принципы построения формулы предложения. ИДВШ ИФ, 1969, № 5.

Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. Изд-во МГУ, 1972.

Ломтев Т. П. Синтаксические отношения. ФИ, 1973, № 3.

Мещанинов Н. И. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945.

Мигирин В. Н. Язык как система категорий отображения. Кишинев, 1973.

Москальская О. И. Проблемы семантического моделирования и синтаксисе. ВЯ, 1973, № 6.

Москальская О. И. К модели описания предложения. В кн. «Теория языка. — Англистика. — Кельтология». М., 1976.

Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974.

Мурзин Л. Н. Синтаксическая деривация. Пособие по спецкурсу. Пермь, 1974.

Никитин В. М. О соотношении и взаимодействии между лексическим и грамматическим значением слова в предложении. «Уч. зап. Рязанского пед. ин-та», т. 114. Рязань, 1972.

Почепцов Г. Г. Три уровня семантической структуры предложения. «Математическая лингвистика», вып. I, Киев, 1973.

Почепцов Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, 1971.

Распопов Н. П. О предмете синтаксиса. В кн. «Очерки по теории синтаксиса» Воронеж, 1973.

Сафиев А. С. Исследования по синтаксису узбекского языка. Ташкент, 1968.

Серебренников Б. А. К проблеме отражения развития человеческого мышления в структуре языка. ВЯ, 1970, № 2.

Серебренников Б. А. Номинация и проблема выбора. В кн. «Языковая номинация. Общие вопросы». Изд-во «Наука», М., 1977.

Сильницкий Г. Г. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов. «Проблемы структурной лингвистики, 1972». М., 1973.

Слюсарева Н. А. Проблемы лингвистической семантики. ВЯ, 1973, № 5.

Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971.

Солнцев В. М. Относительно концепции «глубинной структуры», ВЯ, 1972,

- Степанов Ю. С. Семантика. М., «Наука», 1971.
- Степанов Ю. С. Основы языкознания. М., 1966.
- Степанов Ю. С. Современные связи лингвистики и логики. ВЯ, 1973, № 4.
- Супрун А. В. Грамматика и семантика простого предложения. М., «Наука», 1977.
- Сусов И. П. Семантическая структура простого предложения. Тула, 1973.
- Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. Изд-во АП СССР, М., 1963.
- Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974.
- Филин Ф. П. О некоторых философских вопросах языкознания. В кн. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., 1970.
- Хомский Н. Синтаксические структуры. «Новое в лингвистике», вып. II, М., 1962.
- Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. Изд-во МГУ, 1972.
- Храковский В. С. Очерки по общему и арабскому синтаксису. М., 1973.
- Чейф У. Л. Значение и структура языка. «Прогресс», М., 1975.
- Шведова Н. Ю. Об основных синтаксических единицах и аспектах их изучения. В сб. «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков». Л., 1975.
- Шведова Н. Ю. О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения». В кн. «Мысли о современном русском языке». М., 1969.
- Шведова Н. Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения. «Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации». М., 1973.
- Шведова Н. Ю. Место семантики в описательной грамматике (синтаксис). «Грамматическое описание славянских языков». М., 1974.
- Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. В кн. «В. А. Звегинцев. История языкознания 19 и 20 вв. в очерках и извлечениях», ч. II, М., 1960.
- Щербак А. М. О некоторых особенностях образования падежных форм в тюркских языках. ВЯ, 1971, № 1.
- Щербак А. М. К характеристике системы тюркских падежей в плане содержания. СТ, 1972, № 4.
- Ярцева В. Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка. «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Аспекты изучения предложения	3
Теоретические вопросы семантического анализа простого предложения	19
1. О природе языковых знаков	19
2. Проблема изучения семантической структуры предложения в современной лингвистике	24
Компоненты семантической структуры предложения	53
1. Способ характеристики компонентов семантической структуры предложения	53
2. Возникновение семантических компонентов и их система	58
Семантическая структура и ее строение	78
Краткие выводы	89
Литература	93

Ибрагим Хашимович Ахматов

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Редактор *Ж. М. Гузев*
Техн. редактор *Ф. П. Карлюк*
Корректор *Л. М. Березуцкая*

Сдано в набор 15/V 1979 г.
Подписано к печати 25/X 1979 г.
Бумага 60×84¹/₁₆. Печ. л. 6,25. Уч.-изд. л. 6.
Заказ № 5998. Тираж 500 экз. Ч00104.

Цена 50 копеек

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года, г. Нальчик.